

5-5767

Юный Натуралист

1985

1

ТВОЯ ВЫСОТА

Идет по стране новый этап Всесоюзного пионерского марша под девизом «Салют, Победа!». Этот марш ведет пионерский отряд, каждого пионера от одной высоты к другой. И цель у него такая — на пути к высоте каждый отряд должен стать дружнее, организованнее, самостоятельнее. Ведь недаром у марша такие позывные — пионерское слово, пионерское дело, пионерская честь.

Каждый отряд нашел себе дело по душе. Именно там, где больше всего нужна его помощь, где пригодятся умения каждого школьника, и трудится юное поколение страны.

В ученической производственной бригаде, в школьном лесничестве, в юннатском кружке, на полях и фермах колхозов и совхозов, на своем подворье помогаешь ты взрослым делать нашу Родину еще краше, еще богаче. Преданность любимой Родине ты доказываешь хорошей и отличной учебой. Твои успехи в учебе и труде и есть твоя высота.

Ты уже наметил планы на новый, 1985 год и приступил к их выполне-

нию. Среди всех дел будет у тебя еще одно — участие в осуществлении долговременной программы мелиорации земель. Ведь, как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко, «партия рассчитывает, что программа мелиорации получит горячий отклик и поддержку у нашего комсомола. Поставить на службу советскому человеку миллионы гектаров обновленных земель — это и романтика, и трудовая закалка нашей славной молодежи». И когда ты овладеешь всеми высотами, то пополнишь ряды славного Ленинского комсомола.

А пока тебя ждут пионерские дела. Участвуя в операциях Всесоюзного марша юных ленинцев «Салют, Победа!», ты активно помогаешь взрослым выполнять решения XXVI съезда нашей партии, XIX съезда комсомола, участвуешь в реализации Продовольственной программы.

Успехов тебе на марше, юный ленинец!

Юный 1985
Натуралист

Ежемесячный научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал основан в 1928 году. Издательство «Молодая гвардия».

КОЛОСОК

На фестивальной волне

В редакции газет и журналов приходят сотни писем, в которых ребята рассказывают о том, как они участвуют в международной акции пионеров социалистических стран «Салют, мир!», о стремительном старте на маршрутах Всесоюзного марша «Салют, Победа!», о подготовке к Всемирному форуму молодежи. Вот строки из этих писем:

«Открыли в Домах пионеров и школах мастерские по изготовлению игрушек и сувениров для участников XII Всемирного фестиваля!» — написали юные ленинцы Армении.

«А мы решили провести операцию «Пионерские цветы — фестивалю», — сообщили ребята Чувашской АССР.

«Трудимся под девизом «Фестиваль в Москве — фестиваль везде, в каждой школе, в каждом пионерском лагере» — так решили школьники Воронежа.

Уже сейчас в ходе подготовки к 40-летию Победы советского народа над фашизмом, к фестивалю в пионерских дружинах нашей страны, клубах международной дружбы. Дворцах и Домах пионеров рождаются интересные инициативы и почин. По предложению пионеров школы № 506 города Москвы, лауреата премии Ленинского комсомола ученической производственной бригады Бондаревской школы Красноярского края, трудового отряда старшеклассников средней школы № 57 города Киева, лагеря труда и отдыха «Буревестник»

Целиноградской области члены трудовых объединений школьников страны решили летом 1985 года провести дни ударного труда и заработанные деньги перечислить в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Недавно Секретариат ЦК ВЛКСМ поддержал инициативу ребят и объявил Всесоюзную акцию пионеров и школьников «Дети Страны Советов — участникам фестиваля».

В ходе этой акции пионеры организуют встречи с делегатами прошлых фестивалей, изучают историю фестивального движения, проводят специальные конкурсы рисунков, плакатов, сочинений. Лучшие сувениры и поделки, сделанные руками ребят, отправляются в редакцию журнала «Пионер» и павильон «Юные натуралисты и техники» на ВДНХ СССР.

Накануне Всемирного форума пройдут фестивали в союзных республиках, краях и областях нашей страны. Участвуя в них, пионеры проведут акции солидарности, вечера интернациональной дружбы, фотовыставки, викторины.

Выдумка, инициатива, страстное желание быть в рядах фестивального движения помогают ребятам в подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, девиз которого «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Готовится к фестивалю и Международный комитет детских и юношеских организаций — СИМЕА (при Всемирной федерации демократической молодежи). Вот что рассказал нам генеральный секретарь СИМЕА товарищ Шандор Молнари:

— СИМЕА входит в состав Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Цель нашей работы — вовлечь детские организации в подготовку к фестивалю. Ведь участие детей в фестивалях молодежи и студентов уже стало тради-

цией. Московский фестиваль будет третьим в истории фестивального движения, в котором будут участвовать дети. При национальных подготовительных комитетах начинают действовать и члены СИМЕА — прогрессивные детские и юношеские организации. В Финляндии, например, семь детских организаций объединились для подготовки к Московскому фестивалю и участвуют в работе подготовительного комитета своей страны. Как и основная программа, датская программа фестиваля будет антиимпериалистической, антивоенной направленности, которая выражается в стремлении всех детей планеты жить в мире. В дни работы фестиваля финиширует Международная эстафета мира детских организаций, которая стартовала в августе прошлого года в «Артеке». Я знаю, что советские пионеры принимали активное участие в эстафете детских и юношеских организаций Европы, проходившей в прошлом году. И вот снова мирная эстафета, на этот раз по многим странам не только нашего континента, но и всей планеты. Большое значение в подготовке детских организаций к фестивалю играет участие в Международной акции пионеров социалистических стран «Салют, мир!».

В рамках детской программы будет рассматриваться вопрос, как в разных странах выполняется Декларация прав ребенка, принятая 25 лет назад Организацией Объединенных Наций. Дети — участники фестиваля выразят свою солидарность с детьми народов, борющихся за национальную независимость, демократию и социальный прогресс, против империалистических агрессий, за право жить в мирном мире.

Навстречу фестивалю планируется провести много интересных и важных международных мероприятий.

В. КОСОВ

В селе Рогош

Когда познакомишься с новыми друзьями, надо пожать друг другу руку. Как они стеснялись своих ладошек — Донка Янкова, Ангелина Пенева, Енчо Гочев и другие ребята!

— Мы только что из теплицы, еще не кончили работать! — старался объяснить каждый.

А можно было и не объяснять. Сель-

ских ребят всегда можно узнать по рукам, немного потемневшим от земли, крепким, чуть-чуть мозолистым. Хозяйство у Рогошской школы (училища «Васил Левски») большое и крепкое: оранжерея, где растут помидоры, овощные поля, фруктовый сад. Как иначе, если живешь в селе? Надо знать, что такое земля, надо чувствовать ее и любить, уметь с ней разговаривать. Вот почему школьный двор все лето был полон ребят: у серьезных дел перерыва не бывает!

Помидоры начали созревать в теплице ранним летом. Ребята снимали их с кустов, осторожно укладывали в ящики и смотрели, как грузовик увозит их в сторону Пловдива.

А в середине лета ребятам сказали, что их овощи будут отправлять и в Советский Союз. Приятно? Еще бы! Школьная продукция вышла на мировой рынок. К тому же в Советском Союзе у рогошских ребят десятки друзей. Председатель школьного КИДа Атанаска Генкова проговорила как-то сосчитать и сбилась: и в Молдавии, и на Украине, и в Ленинграде, и в Новосибирске!

Небольшое село, небольшая школа в Болгарии. Но окна ее распахнуты в большой-большой мир!

«Мистер Рейган, прекратите ваши безобразия!» — написала сердитое письмо американскому президенту Илиана Генкова. Она, как и все ее товарищи по шко-

ле, участвует в акции «Салют, мир!», в подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.

Ухоженное школьное поле, фруктовый сад — это вклад ребят в трудовой поход «Плодородие».

Елена Игова любит петь. И ее подруга тоже. Их группу политической песни знают во всем районе.

Енчо Гочев хорошо бегает, чуть ли не быстрее всех. И он, и его друзья представляли свой район в общенациональной спортивной звездообразной эстафете «40 победных лет».

А все это вместе ежедневная жизнь болгарских пионеров, их участие в димитровской поверке «Всегда готовы!».

И. МЕЗЕНЦЕВА

В лесу под Магдебургом

Этот сувенир из ГДР я храню на своем рабочем столе — полированный спил ствола березы с рисунком дубового листа, а внутри его — маленький деревянный трактор тащит бревна. И подпись внизу: «Лесная профессиональная школа, Магдебург-форт. 1953—1983». Подарок вручили ребята, которые учатся в лесной школе под Магдебургом, на память о нашей встрече.

Профессиональная школа в Магдебург-форте не единственная в ГДР. Таких учебных заведений несколько. Тут учатся ребята, избирающие в будущем различные специальности работников лесного хозяйства. Учатся сохранять, умножать, разумно использовать богатства природы. Леса занимают около тридцати процентов территории ГДР. Больше всего здесь хвойных пород — ели, лиственницы, сосны, пихты, а из лиственных пород распространены дуб, береза, бук.

— Наши учащиеся определяют породы с закрытыми глазами, на ощупь, — не без гордости говорит Хайнц Гойе, заместитель директора школы, показывая нам кабинеты. — Понятно, не в лесу, а дома. В лесу же надо быть внимательным: много кабанов. У нас есть свои специалисты по их учету, например Кристе Тилле, ученица 10-го класса.

— Кабаны у нас стали настоящим бедствием. Наверное, потому, что нет крупных хищников. Охотникам приходится регулировать численность копытных. Очень важно правильно подсчитать их количество. В апреле лунными ночами мы поднимаемся на специальные наблюдательные вышки и в бинокль следим за передвижениями животных, ведем учет.

Еще одно важное дело, которое мы проводим из года в год, — отлов одичав-

ших домашних животных, чаще всего кошек. Это, конечно, может показаться странным, но именно домашних кошек, которые давно уже потеряли облик ласковых мурок, мы вылавливаем в пять раз больше, чем зайцев. Это очень важное природоохранное мероприятие. Ведь такие «заблудшие» кошки наносят огромный ущерб фауне наших лесов — грабят птичьи гнезда, нападают на птенцов, лягушек. Не могу не выразить укора тем владельцам домашних животных, которые легкомысленно относятся к содержанию собак и кошек. Им ничего не стоит выбросить за ворота бывшего пушистого друга: игрушка надоела...

Учащиеся школы в Магдебург-форте прореживают насаждения, создают простор для подростка, ягодников, а главное, оставляют густые заросли для зверья и птиц. Строят домики-гнезда и оборудуют площадки для подкормки животных зимой, устраивают солонцы. Заготавливая древесину, молодые работники лесного хозяйства ГДР не забывают и о другом важном деле — лес должен оставаться домом для животных, их столовой и одновременно давать свои плоды людям.

— Мы стремимся выращивать высокопродуктивные леса, — продолжает Кристе. — Что это значит? Это когда на единице площади за определенный период времени вырастает больше древесной биомассы, травянистых растений и кустарников. Сегодня даже в богатых лесом странах поговаривают о том, что лесные сокровища исчерпаемы, что их надо охранять и воспроизводить, рачительно использовать. Для нас слова «рубка» и «возобновление» неотделимы друг от друга. Лес нужен нам не только как топливо. В республике очень высокая плотность населения, много городов, развита промышленность, и поэтому леса приобретают огромное культурное и санитарно-гигиеническое значение. Содержать их в порядке, не брать больше, чем они могут дать, то есть не ухудшать естественного богатства, — дело нашей лесной службы.

Многие выпускники лесной школы в Магдебург-форте, которая отпраздновала недавно тридцатилетие, уходят на работу в различные природоохранные организации. Они действуют при Обществе защиты природы и окружающей среды Культурного союза ГДР. Одна из важных задач общества — воспитывать экологи-

чески грамотных хозяев земли. В ГДР в этом отношении сделано немало. Доказательство тому — образцовые леса, обилие в них дичи, певчих и хищных птиц, которые в других европейских странах стали уже редкостью.

Прощаясь, Кристе Тилле передала советским школьникам, юным натуралистам, молодым защитникам природы самые искренние пожелания успешной учебы и работы.

Н. НИКОЛАЕВ

Хорошая традиция

На ладони коробочка белоснежного хлопка кажется воздушной, невесомой пушинкой.

С давних времен у всех народов мира хлопок считается большим богатством. И по важности стоит в одном ряду с хлебом. Но требует он к себе много внимания, заботы со стороны человека.

Первое место в мире по урожайности хлопка занимает Узбекистан. Радуют добрым урожаем «белого золота» труженики солнечной республики и в одиннадцатой пятилетке.

В трудовые победы республики по выращиванию и сбору хлопка внесли вклад все ее жители.

Школьники городов и сел республики вместе со взрослыми показали образцы самоотверженного труда, следуя девизу «Дал слово — сдержи его!». Более полутора миллионов пионеров и школьников участвовали в летней страде.

Далеко друг от друга расположены Узбекская ССР и Ивановская область. Но давняя и крепкая дружба связывает их. Как гласит народная мудрость: «Сила птицы в крыльях, а людей в дружбе».

После победы Великого Октября красные ткачи из Иванова протянули руку помощи узбекским братьям в борьбе за новую жизнь. Под руководством Михаила Васильевича Фрунзе Красная Армия, где было немало ивановцев, прогнала басмачей из Средней Азии. Посланцы текстильного края помогали крестьянам создавать колхозы и совхозы. Старый большевик Константин Иванович Фролов был направлен в Ташкент для того, чтобы организовать выведение новых сортов хлопчатника и чтобы наша страна сама могла обеспечить себя хлопком и не покупать его за границей.

Ивановские текстильщики помогали строить заводы по очистке хлопка и возводить текстильные предприятия, а в горячую осеннюю пору выезжали жители Иванова на поля Узбекистана для уборки урожая хлопка.

Народная поговорка гласит: «Друзья познаются в беде». И когда в 1966 году на Ташкент обрушилось землетрясение, то вместе со всеми республиками ивановцы послали своих строителей, строительные материалы, ткани.

Ивановские текстильщики на время летних каникул взяли в свои семьи узбекских девочек и мальчиков. В пионерских лагерях все лето отдыхали и набирались сил и здоровья юные узбеки.

Ивановский край называют текстильным цехом страны. Здесь вырабатывается каждый пятый метр хлопчатобумажной ткани, производимой в Советском Союзе. Семьдесят процентов хлопка для прядильных фабрик поставляет ивановец Узбекистан.

Стало уже правилом — первые эшелоны нового урожая «белого золота» отправлять своим друзьям по соревнованию. Среди них есть и пионерские вагоны.

Хлебом и солью встречают на ивановской земле посланцев солнечного края с драгоценным даром земли.

Ткань — творение коллективное. Она создается усилиями тех, кто выращивает хлопок, от химиков, которые производят красители, до машиностроителей, которые дают текстильным предприятиям станки и машины, на которых хлопок превращается в ткани.

Между ивановскими текстильщиками и узбекскими тружениками земли заключен договор о дружбе, трудовом состязании, и в него включились пионеры и школьники Узбекистана.

Победители трудового соревнования приезжают в Иваново. Ребята совершают экскурсии по историческим местам родины первого Совета: к мемориалу на реке Талке, к памятнику «Борцам революции», в музей Первого Совета имени М. В. Фрунзе. Гости из братской республики посещают предприятия. На их глазах умелые и ловкие руки текстильщиков превращают хлопок в красивые ткани. В программу пребывания школьников из Узбекистана включаются и посещение цирка в Иванове, и поездки в Палех, Плещеево и Суздаль, и встречи с трудовыми отрядами старшекласников.

Ребята Узбекистана и Иванова через труд познают чудесную силу дружбы, трудового соревнования.

В. ДУДОРОВ
Рис. Е. Поповой

НАШИ НОВЫЕ СОСЕДИ

Запуржила, завьюжила зима. Морозы сковали водоемы, одели деревья и кустарники в ледовые панцири. Качаются, стонут, скрипят под напором ветра деревья. Тут уж всему живому не до жира — быть бы живу. Хотя и теплая снежная шуба, но не все научились ею пользоваться. А многим зверям и птицам она враг — глубоко упрятала метелки трав с семенами, мелких грызунов — основные их корма. Вот и приходится каждому по-своему приспосабливаться к суровым временам.

Большинство растений и многие животные впадают в долгий зимний сон. На Крайнем Севере он длится более полугода, а в южных районах страны крылатые, четвероногие, плавающие и прыгающие часто обходятся и без него. Многие улетают, убегают в более теплые края, туда, где тепло и корма в достатке.

Но нашлись и такие, которые стали использовать близкое жилище человека, чтобы задержаться на родине, переждать лютые морозы и жестокую бескормицу.

Особый характер имеет зима в городе. Со свистом несется вьюга по улицам, мечется в переулках и тупиках, пронзая колючими иглами все живое. Воробей, галка, голубь и другие пернатые, попавшие «под руку» такому вихрю, падают мерзлым комком на землю. Вся надежда, что вовремя наткнется на них сердобольный человек и отогреет за пазухой или в домашнем тепле. Все в городе не так, как в дикой природе. Снег лежит где густо, где пусто, зимнее солнце блуждает, словно в горах, между домами, иногда поземка метет, струится песчаная пыль, как в пустыне... Поди разбери, север ли это, юг? Чего ожидать? Сложно бывает приспособиться животным в новых для них, непривычных условиях.

Скученность построек, масса людей, обилие транспорта, ночное освещение не только повышают температуру в городах и крупных поселках по сравнению с близлежащими полями, лугами и леса-

ми, но и мешают снегу плотно укрыть землю с опавшими на нее семенами. Над подземными линиями теплоцентралей остаются незамерзающие полоски земли, свободные от снега. Пруды, речки часто не покрываются льдом. На помойках и свалках звери и птицы всегда находят что-то съедобное. Ягоды на деревьях и кустарниках служат прекрасными кормушками. Чердаки, подвалы, различные щели — отличные укрытия на ночь, а то и для спячки на целую зиму.

Но то, что хорошо для животных, растений же, наоборот, создает трудности. Слабый снеговой покров в городах позволяет холоду глубоко забираться в почву, промораживать ее на большую глубину, а вместе с ней и корешки деревьев, кустарников, многолетних трав и цветов. Не все они благополучно перенесут такую зимовку и смогут нормально расти и развиваться с наступлением тепла. Мало снега — мало влаги. Это еще одно неудобство, ставящее городские растения в худшие условия по сравнению с их собратьями в дикой природе. Придет весна, оживут корешки, заработают внутренние насосы, тянущие из земли живительные соки, содержащие питательные вещества, а растворителя — воды — не хватает.

А тут еще зимой посыпают мостовые и тротуары солью, попадают в землю смазочные материалы, масла, горючее от автотранспорта. И без того почва в городе бедная — все листья по осени сгребли, увезли и сожгли, вместо того чтобы закопать на месте и вернуть обратно то, что за лето забрали растения. Худо приходится им: раньше желтеют, опадают листья, раньше отмирают корни, недостаточно запасают питательных веществ на зиму, и застает она их по вине людей врасплох, без «теплой одежды» и «на голодный желудок».

Первые заморозки на почве, посеребрившие верхушки трав, — сигнал подготовки к зиме. Грызуны, некоторые насекомые из летних мест обитания — «с дач» — перебираются поближе к человеку — здесь и тепло и кормно. А вслед за ними переселяются их извечные враги — куньи: хорек, ласка, горноста́й, колонок. Всю зиму видны на снегу строчки их следов. По ночам в квартирах слышны шорохи, писк — это зимовщики вышли на свой промысел. Кроты углубляют свои

ходы-шtolьни, прокладывая их в нижние горизонты, и часто попадают в погреб. Стужа и голод иногда загоняют в города более крупных зверей — лису, волка. Рыжей кумушке раздолье на помойках, есть чем поживиться, то куринные косточки найдет, то крысу поймает или мышшь.

Привлекают зимой города и многих птиц. Как и у зверей, меняются здесь их привычки и поведение. Сизые голуби живут в самых северных наших городах. Мороз, а они сидят где-нибудь, накрыв брюхом лапки, и ждут, когда наступит время очередной кормежки. Все дальше и дальше на север проникает кольчатая горлица. Необычное воркование и окраска сразу бросаются в глаза. Скоро она станет конкурентом сизому голубю.

Из окрестных лесов собираются гонимые стайки галок. Целыми рядами сидят на сучьях или на краю крыши, крыло к крылу — так легко согреться и сохранить долгой зимней ночью тепло. Кормов в городе хватает, зачем же утруждать себя перелетом на юг, где еще неизвестно, что тебя ждет? Многие старые и молодые грачи тоже стали ежегодно оставаться зимовать в городах и поселках средней полосы России. Вот и поди теперь узнай по ним наступление весны — они и не улетали... Не отстает от них и остальная врановая семейка. Все смелее становится белобокая стрелотуха сорока, а на Дальнем Востоке и в Забайкалье ее голубая родственница проникает за пищу в центры крупных городов и поселков. Не упускают случая покориться за счет человека и рыжегодовые сойки. Бесшумно вспархивают они с дороги или со свалки. Отлетев, издают свой громкий и характерный крик: гэ-кеек.

Интересную тактику выработали скворцы. Часть их остается зимовать в средней полосе, выискивая повсюду корм, склевывая грозди рябины, боярышника, ночуя под крышами, на чердаках, в скворечнях. А основная масса крикливыми стаями оседает в южных городах. На Красной улице в Краснодаре ночью они сидят на деревьях, как ягоды на ветках облепили. Только вся эта масса постоянно в движении, никак не утомится и не затихнет.

Появились на окраинах Москвы и Ленинграда и южные сорородичи скворцов — майны, чем-то напоминающие по окраске серых ворон. Такие же хлопотливые,

занятые и деловые, как и их собратья — обыкновенные скворцы. Что их привлекло в эти громадные города?

Прекрасно чувствуют себя исконные горожане — воробьи. Не хватает корма? Холодно? Не проблема! Можно залететь в кафе, столовую и даже на станцию метро. Киевские воробьи стали устраивать свои гнезда в уличных фонарях между лампой и стеклом — безопасно и тепло ночевать в таком доме зимой. А что они «выдумали» в вашем городе?

В последние годы массовые посадки в городах и поселках рябины и других ягодных деревьев и кустарников стали в большом количестве привлекать на зиму пернатых любителей ягод: дроздов, скворцов, свиристелей, шуров, дятлов. Кустики репейников, конского щавеля и других сорняков соблазняют зимовать в городах щеглов, коноплянок, зеленушек. Участки голой, оттаявшей земли, иногда с кустиками зеленой травы, как оазисы среди сугробов, чем-то напоминающие окружение горячих ключей Курильских островов и Камчатки, привлекают пуночек и чечеток. Вместе с ними копошатся и принимают, как и летом, пыльные ванны воробьи. Ничего не боятся — ни транспорта, ни прохожих.

Зеленый наряд наших городов расширяет кормовые возможности для различных беспозвоночных животных, а они, в свою очередь, — любимая охотничья добыча вертких синиц. Желтобрюхие большие синицы, как огоньки, перепархивают по заснеженным деревьям в поисках затаившихся на зиму насекомых, их личинок, яичек и другой живой мелочи.

Такие скопления всеядных и зерноядных птиц соблазняют остаться в городах и поселках и хищных птиц. На шумных, заполненных транспортом улицах появляются совы и филины. На высоких современных зданиях, неприступными скалами нависающих над потоками людей и автомобилей, устраиваются на зимовку соколы, высматривая с высоты голубей, галок и другую пернатую поживу.

Сбросы теплых вод ТЭЦ, ГРЭС, промышленных предприятий не дают замерзнуть прудам и рекам, текущим через города. Жизнь не замирает в них зимой. А это именно то, что надо водоплавающим птицам для благоприятной зимовки. Тысячи уток ежегодно зимуют

в таких местах. Стали привлекать такие водоемы и чаек.

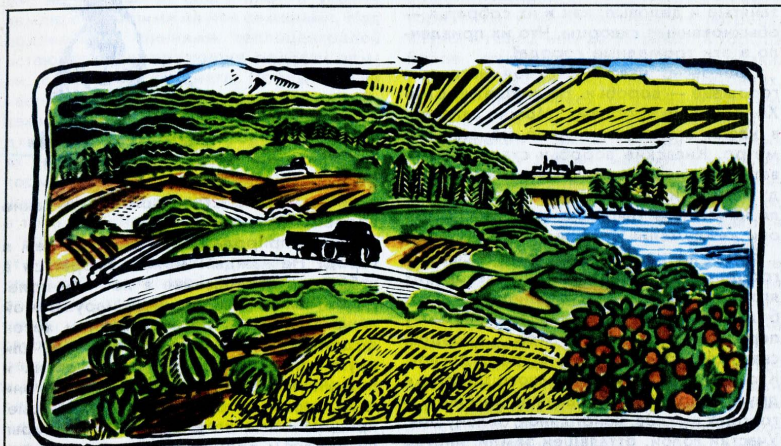
Живая природа сама пришла к нам в город! Не каждый может выбраться в субботу и воскресенье в лес или поле. Полюбоваться их тишиной, нарушаемой лишь морозным потрескиванием веток да щебетом птиц, увидеть воочию ту или иную птицу или зверя. А это очень и очень нужно каждому из нас. И вот они сами, веселые, подвижные, неутомимые, пришли к нам во дворы, сады, скверы, на пруды и реки. И мы должны радоваться и ценить, что животные стали непугливыми, доверчивыми, не боятся нас. Это высшая похвала и награда, которой может удостоиться человек. Наша обязанность — помочь растениям и животным в тяжелое для них время. Не дать их в обиду, защитить не только от мороза и бескормицы, но и от злых людей.

Охрана, подкормка, патрулирование мест кормежек и ночевки — это самое малое, что может сделать каждый из вас — членов зеленых и голубых патрулей, юннатов и других любителей и защитников природы.

Вот задания для зимних походов по изучению и сохранению растений и животных в городе.

Попробуйте пронаблюдать, какие деревья и кустарники лучше переносят зимовку в вашем городе и поселке. Какое действие оказывает на зимовку рыб сброс теплых вод в пределах города? Какие водоплавающие и водно-болотные птицы зимуют у вас? Где они кормятся? Обратите внимание, кто из врановых остается на зиму — местные ли это виды или прилетные? Когда у вас в городе появилась кольчатая горлица? Где и чем она питается зимой? Как влияют массовые зимовки птиц на деревья? Каково значение ночного освещения улиц и домов для диких животных? Меняется ли их поведение в зависимости от освещения?

В. РАХИЛИН,
кандидат географических наук

МОЯ РОДИНА-

ПО ХАКАСИИ

Есть у каждого на родине что-нибудь такое дорогое, о чем хочется сказать вслух на весь мир.

М. М. ПРИШВИН

Огромный порожний лесовоз мощностью двести шестьдесят лошадиных сил катится быстро, шутя одолевая крутые подъемы и легко пересекая таежные ручьи и речки. Лесовоз — очередной попутный транспорт в моем двухнедельном путешествии по Хакасии.

Хакасия! Она лежит на юге Красноярского края и сейчас хорошо известна как место, где воздвигается мощнейшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС. Хакасия богата степями и скопищем гор с шапками из вечных снегов, дремучей тайгой и рукотворными морями, озерами с пресной и соленой водой, прозрачными ключами и не одним горячим минеральным источником. Ученые-археологи и востоковеды знают о ней как о прапраматери иско-

ных сибиряков. В поселке Малая Сья, что в Ширинском районе, обнаружены наскальные рисунки мамонтов, носорогов, пещерных львов и орлов, сработанные художниками еще древнекаменного века почти 34 тысячи лет назад! Биологи давно восторгаются Хакасией как землей реликтов и эндемиков: каждое девятое растение, живущее здесь, нигде в мире больше не встречается. Геологи называют Хакасию «чайшей с золотым дном»: железо, каменный уголь, мрамор, молибден, вольфрам, горный хрусталь, золото... Чего только не таится в ее недрах!

Для меня Хакасия — край моего детства, отрочества и ранней юности, прожитых на золотом прииске Балахчин.

Нынче Балахчина уже нет: в одночасье кончилась золотая жила, а с нею прекратилось существование самого поселка...

Осмотр городов я привык начинать с колхозных рынков, где как в зеркале можно увидеть, чем одаривает людей окрестная земля. И на этот раз отправился в Абакане, столице Хакасии, на центральный торг овощами и фруктами, дарами леса, рек и озер.

В конце весны и начале лета абаканский рынок часто бывает наполнен острым чесночным запахом. Его издает черемша, лежащая на прилавках толстыми сочными пучками, привезенными с альпийских лугов из далекого таежного белогорья. Что такое черемша? Многие из вас наверняка видели в лесах большие полянки крупных ландышей. Вот так же примерно растет и выглядывает черемша, листья которой очень сходны и формой и размерами с ландышевыми, только ее зеленовато-коричневый стебель гораздо толще и цветы располагаются не гирляндами белых колокольчиков, а как у обыкновенного лука — стрелкой. Когда черемша отцветет, черные семена ее трудно отличить от луковых. Черемшу так и называют — таежный лук, хотя запах и вкус у нее что ни на есть чесночные. Однако она отличается и от чеснока и от лука тем, что не имеет луковиц. По количеству витаминов этот дикий таежный овощ превосходит своих культурных сородичей во много раз и является лучшей защитой от цинги, за что очень высоко ценится на Севере. Черемшу едят свежей, жарят в сметане, делают из нее салаты, приправу, солят и маринуют. Однако о черемше я вспоминал недолго, вдруг уловив иные запахи, более приятные и даже несколько экзотические. Да, да! На прилавках стояли ведра, полные маленьких желтых и бордовых шариков, как бы отлитых из стеарина, от которых по всему рынку шел такой необычный сладкий дух.

Это был аромат удивительно сахаристых ранеток, произрастающих в Хакасии и окрест Минусинска, причем в сказочном изобилии.

Как-то я заглянул в старый фруктовый сад Минусинского лесхоза, занимающий десять гектаров, и даже опешил, увидев сотни кустистых яблоневых деревьев, облепленных сверху донизу тысячами маленьких яблочек. Каких толь-

ко сортов мелкоплодных яблонь там не было! А еще мне бросились в глаза очень крупные белые и розоватые плоды сибирских морозоустойчивых сортов. Их тоже было много, хотя и не в таком обилии, как ранеток. Кстати, хозяин сада, восьмидесятилетний садовод Александр Григорьевич Степанов счастливо сокрушался, как снять этакий урожай.

На прилавках рядом с ведрами ранеток высились груды атласно-зеленых, зелено-полосатых и желтых шаров, похожих на пушечные ядра крупного калибра. Это были минусинско-хакасские арбузы и дыни. Густо-розовая мякоть разрезанных арбузов, пестрящая антрацитом-черными семечками, и светло-восковое нутро дынь издавали такой пьяняшемедвянный аромат, что подумалось: уж не в Туркмении ли я? Ведь только на туркменских базарах, когда разрежешь толстую дыню сорта гуляби или горячий от солнца огромный арбуз, так сильно ощущаешь запах бахчевых. Ничуть не уступают и по сахаристости сибирские арбузы и дыни среднеазиатским.

В овощном ряду я увидел на прилавках пирамиды огромных помидоров сорта «бычье сердце».

Разломишь такой помидориче — а он весом бывает до восьмисот граммов, — глянешь на мякоть и ахнешь от удивления: не мякоть, а будто алый затвердевший мед, подернутый инеем. А какой вкус! С неповторимо рассыпчатой хакасской картошкой и зеленым луком — объедение! А это что за чудо?.. На прилавке лежали крупные помидоры, только не красные, а шоколадно-черные и совершенно... черные. Сомневаясь, что это не сон, я купил один черный и разрезал. Мякоть его тоже оказалась черной, как гуталин, лишь в центре с легкой прозеленью, а семечки обыкновенные, помидорные. Я попробовал его на вкус. Никогда раньше не встречал такого дива. Что это за сорт и откуда он взялся, этого я так и не выяснил, хотя черные помидоры видел позже в огородах у многих жителей.

Земляки мои утверждают: в Хакасии есть даже то, чего быть не может. Взять, например, кету — кто поверит, что она, эта исконная дальневосточница, здесь водится? А она водится, да еще такая, что самим сахалинцам и амурцам на за-

висть. Правда, я сперва этому не поверил. Ведь я же вырос в Хакасии, знаю ее вдоль и поперек, но о том, что где-то в ее водах обитает кета, отродясь не слыхивал. «А ты поезжай под Ширá на озеро Белё — увидишь», — сказали мне. Ширá, что по-хакасски значит «желтый», — мой родной райцентр, а озеро Белё мне памятно тем, что в отрочестве я ловил в нем окуней. Их, помнится, в те времена в Белё водилось великое множество, а вот кеты... Ее я «удил» только в магазинах, и была она привозная — с Дальнего Востока, причем соленая, вяленая и копченая. А о живой кете мы, прибрежские жители, лишь по книжкам знали.

Я отправился на Белё. Оно лежит среди холмистой степи на северо-западе Хакасии и состоит из двух обширных плесов, соединенных между собой узеньким проливом. Общая площадь плесовых зеркал более семи с половиной тысяч гектаров. Окрест озера по низинам и пологим склонам холмов расстилается бескрайнее пологием черных паров, которые будто разрисовал маляр-великан ярко-желтыми, изумрудными и рыжими полосами. Полосы тянутся строго параллельно друг другу и представляют вблизи не что иное, как посевы подсолнухов, овса для зеленки и стерню сжатой пшеницы. Вода в озере довольно прозрачная и соленая. Скалистые берега его образованы из песчаника темно-малинового цвета, а пологие — из краснозема. На них почти ничего не растет, лишь на западной части южного плеса зеленеет небольшая березовая роща. Как раз в нее-то и лежал мой путь, когда я подъезжал к Белё.

В роще наконец раскрылась тайна хакасской кеты. Собственно, тайны в тот час для меня уже не было. Сведущие люди в Ширá рассказали, что на Белё уже восемь лет работают ихтиологи, отлаживая разведение дальневосточного лосося. В полевой научной лаборатории рыбоводов, размещившейся в березняке, я встретился с начальником отряда ихтиологов Валерием Викторовичем Сысоевым, который разъяснил мне все до конца:

— Наш отряд получил задание от рыбаков Красноярского края выявить возможность разведения в Белё горбуши и кеты. И вот результаты: эти рыбы в озере развиваются в два-три раза быстрее, чем в привычных условиях на Сахалине.

Но горбуша здесь плохо переносит зимовку, а кета чувствует себя отлично даже при самых низких температурах воды. Поэтому мы считаем перспективным разведение в Белё только кеты. Рыбу мы выращиваем из мальков, доставляемых из инкубаторного цеха рыбозавода в Белом Яре, что под Абаканом. Там их выводят из икры, привозимой с Сахалина. По жирности и вкусовым качествам наша рыба намного превосходит дальневосточную. А объясняется это тем, что в Белё превосходная кормовая база из рачков-бокоплавов и нет конкурентов в питании из аборигенных рыб. Во-вторых, лосось в море, достигнув половой зрелости, идет на нерест в пресную воду, проделывая тысячи километров. Во время пути он ничем не питается и приходит в реки истощенным, без жира в теле. Таким его и ловят. Озерной же кете на нерест идти некуда, поэтому она оказывается в сетях в этакое вот превосходном виде...

Ихтиологи наряду с кетой выращивают в озере и форель, мальки которой выводятся из икры, привозимой с Алтая. И еще я узнал, что рыбу разводят не только в Белё, но и в других озерах, из чего понял: Хакасия в перспективе может стать краем большой рыбы.

Я уезжал с Белё на рыбацком грузовике, полном бочек с кетой и форелью. Шла августовская путина — явление для Хакасской степи небывалое...

— Балахчин, — говорит шофер, — выходи, а я поеду дальше — за жердями. На обратном пути захвачу тебя.

Оставшись в одиночестве, я гляжу по сторонам. Вокруг донельзя знакомые и до нитя в груди родные скалистые горы, заросшие тайгой, и лога с быстрыми светлоструйными ручьями, впадающими с обеих сторон в Андат.

Место, где размещался поселок, представляет собой сейчас широкую долину с луговыми травами. Я долго брожу по ней, пытаюсь определить, где что стояло. Вот тут, у самого подножия крутой скалы, возвышалось двухэтажное бревенчатое здание нашей средней школы. Многие ее выпускники нынче стали учителями, инженерами, врачами, офицерами армии и флота, кандидатами и докторами наук, журналистами, а мой одноклассник Борис Григорьев сегодня известен стране как режиссер детских и юношеских фильмов.

Вот место, где была небольшая лесопилка со столярным цехом. Цех этот наряду с мебелью и другими деревянными поделками выпускал небольшие кедровые ящички, в которых вывозилось с приниска золото. Вокруг лесопилки тогда высились горы стружек и холмы опилок. На них мы, балахчинские ребятишки, любили играть в лапу и бабки. Если бабок не хватало, то игрок вместо них мог ставить на кон толстые и очень прочные «карандаши» горного хрусталя, которые мы в изобилии находили на береговых осыпях Белого Ююса. Однажды я в поисках хрусталя забрел вверх по реке в страшную глухомань, где вдруг натолкнулся на диковинное растение с белыми и желтоватыми листьями вместо обычных зеленых. Вернувшись домой, я показал находку ребятам и взрослым, но никто мне не ответил, что это за чудо-юдо, так как они тоже видели его впервые. Лишь недавно я узнал, что то была гаркуша обернутая, родина которой — Афганистан. Как она попала в наши края, я и по сей день не знаю. Вообще окрест Балахчина произрастает немало таких растений, какие нигде мне больше не попадались, хотя я извездил всю страну. Вот одно из них. Небольшая луковича, из нее выходит толстый стебелек с зелеными сочными листьями, абсолютно схожими по форме с кукурузными, но миниатюрными по величине. Цветы и семена почти как у лука, а вкус растения чесночный. Балахчинцы называли это растение горным луком и употребляли в пищу. Ни в каких других местах подобного «лука» я не встречал, как не нашел и его описания в книгах о флоре Западной Сибири.

А сколько окрест Балахчина произрастает различных цветов, уже давно в других местах занесенных в Красную книгу!

Полезно было бы исследовать их и поставить вопрос о превращении этого уникального уголка хакасской природы в ботанический заказник.

Перейдя вброд Андат, я иду правым берегом вниз по течению речки к месту, где стояла моя родная изба.

Однако что это? Я замечаю в стороне от себя молодой куст черемухи, а в его гуще круглый срез пенька толщиной почти в телеграфный столб. При мне это была прекрасная черемуха, дававшая в год ведра по два очень крупных ягод.

Каких только черенков я не прививал к ней в свое время, тшась мечтой получить невиданный дотоле гибрид! Однако привилась лишь ветка рябины, которая однажды наградила меня за опыты четырьмя гроздьями. Кто же спилил тебя, черемуха? Чтобы охладить накал чувств, я бегу к Андату, обдаю лицо ледяной водой и вновь возвращаюсь к дорожному месту.

Изба моя! Земля моя!.. Здесь когда-то звучал мой детский голосишко, произносилось самое святое на земле слово — мама. Здесь я впервые почувствовал, как прекрасен таежный мир, полный красок, звуков, цветов, птиц и зверья. Здесь прочел букварь и взахлеб читал тургеневские описания природы. Здесь впервые познал труд и узнал цену насущному хлебу, сделал свой первый рисунок и сочинил первый рассказ, пытаюсь словами передать всю прелесть ярких красок зимнего вечера в горной тайге. Здесь... Мои мысли обрывает гудок возвратившегося лесовоза.

...Часов через пять машина выносит меня на просторы Хакасской степи, пропахшей польнушо, ранетками и хлебом. Над степью уже стоит вечер. На горизонте мерцают огни улуса, отражаясь на ровной глади тихого озера. Из-за дальних Саянских гор поднимается золотой каравай луны. В тверди небесного купола, усеянного по-сибирски крупными звездами, монотонно поет свою песню реактивный лайнер. Где-то беззлбно брешут собаки, в отдалении добродушно порывается трактор, готовя землю к осеннему севу. Как хорошо, как замечательно, что есть на Земле эта прекрасная и неповторимая в своих дарах страна Хакасия, а в ее зеленых горах — Андатская лощина, уголок моего таежного детства!

И. ПОНОМАРЕВ

ЯНВАРЬ

Искрится тихая дорога,
Теряясь в сонном далеке.
Над голубой вершиной стога
Луна в январском ободке.

Молчат леса. Не вскрикнет птица.
В снегу, у края борозды,
Тайтся рыжая лисица,
Темнеют заячьи следы.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Перуново дерево

О каком дереве наш сегодняшний рассказ? Если кто не догадался, подсказываем: об одном из самых могучих и красивых деревьев — о дубе.

«Лесная газета» вновь приглашает своих читателей в путешествие по лесам. Снова будет знакомить с загадочными лесными явлениями, покажет заветные полянки с грибами и ягодами, будет учить разгадывать следы и познавать повадки зверей и птиц. И самое главное — любить и беречь природу, помогать лесным обитателям в трудную пору.

А теперь снова вернемся к дубу. Читатели журнала хорошо знают его. Рассказывала о нем и «Лесная газета» (см. № 8, 1979 г.). Но не все, наверное, знают, что дерево это пришло к нам из далеких веков. Перуновым деревом его называли славяне в честь языческого бога грома и молнии Перуна. За красоту древние греки посвящали его Аполлону, древние римляне — Юпитеру, а желуди считались божественными плодами. Именно красота и могущество делали это дерево загадочным, поэтому и связывали его люди со сверхъестественными силами.

Когда-то в древности дубы росли на обширной территории. Постепенно человек вырубал их, ведь росли они на плодородных почвах, которые нужны были земледельцам. А восстанавливать дубравы трудно: порой нужно целых две человеческие жизни, чтобы вырастить взрослый дуб.

Примерно до десяти лет молодые дубки развиваются медленно. В это время у них формируется мощная корневая система, и только потом начинают расти ствол и ветви. Через двадцать пять—тридцать лет у некоторых деревьев появляется немного желудей.

Не только за красоту во все времена так ценили дуб. Его кора применяется в кожевенной промышленности, дубовые листья — хороший корм для дубового шелкопряда, производителя натурального шелка, из желудей делают неплохой и полезный кофе, да к тому же они отличный корм для скота. Но, конечно, самое главное богатство — это древесина.

Много интересного можно еще рассказывать про дуб. И поэтому «Лесная газета» обращается к своим читателям: а что вы, ребята, знаете об этом дереве?

Ждем ваших рассказов о нем.

Т. ГОРОВА

Фото Р. Дормидонтова

Наступал первый расцвет нового года. Было тихо-тихо. Как в немом кино из тьмы возникали деревья и кусты в белом кружеве густого инея. И когда стало почти совсем светло, на заиндеветшие ветви сирени опустились снегири. Слышалось тихое потрескивание разгрызаемых коробочек плодов, негромкие, будто спросонок, голоса кормящихся птиц. Привычная картина зимнего дня — заснеженные деревья, и на них яркие пятна сидящих снегирей.

Но снегири попадают на глаза чаще, чем другие вместе с ними прилетевшие с севера птицы. Наблюдать за снегирями можно со дня их появления в октябрьское ненастье и до того момента, когда они покинут оттаявшие рощи и отправятся в таежные чащи выводить птенцов.

Пока на рябинах сохранялись плоды, мы постоянно встречали снегирей возле этих деревьев. В отличие от дроздов и свиристелей, жадно хватающих и глотающих целиком мерзлые ягоды, снегирь не торопясь наклоняется к каждой ягоде, долго мнет ее в клюве, выбирая се-

Снегири.

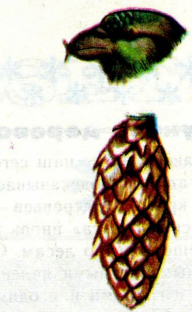
мечки. А на снег, будто капельки крови, падают мякоть и кожица плодов.

Но вот кончились запасы рябины. Унеслись на юг стаи дроздов. Редко слышатся серебристые голоса свиристелей. А у лесной опушки мы, как и прежде, слышим тихое поскрипывание снегирей. Птицы летают в малиннике, опускаются в рыхлый снег, яркими цветами виснут на гнувшихся ветках.

Снегири доверчивы, и можно подойти близко и посмотреть, как они склевывают почки. Этого сразу не заметишь, а прежде увидишь посорку под кустом.

Семена сирени и различных кленов — их любимый зимний корм. Но особенно нравятся снегирям плоды ясеня. Пока на этих деревьях висят кисти длинных плодов, снегирей можно видеть здесь постоянно.

На пустыре или деревенских задворках, где много сорняков, всегда собираются разные птицы. Здесь в компании воробьев, чечеток, овсянок, щеглов и вездесущих синиц мы почти обязательно встретим и снегирей. Посмотрите, как кормятся бок о бок различные зерноядные птицы. Прилетая на пустырь, будто в общую столовую, каждая птица

«Обрабатывать» шишки ели легче всего, имея такой клюв, как у клеста.

выбирает себе любимое блюдо или то, что ей наиболее доступно. Поэтому на небольшой площади хватает места многим птицам.

Щегла чаще всего можно увидеть на лопухе, чертополохе или конском щавеле. У щегла тонкий длинный клюв. Им, как пинцетом, особенно удобно вытаскивать семена из колючих головок репейника. По осени щегол имеет обыкновение вылетать на поля незрелого подсолнечника. Но зато потом, когда семечки подсолнуха созреют и затвердеют, щеглу уже нелегко расколоть их скорлупу. И семена свербиги, одетые в плотную оболочку, щеглу добывать не под силу. А вот зеленушки, имеющие более толстый клюв, без труда справляются и со зрелым подсолнухом, и со свербигой.

Чжи и чечетки с короткими конусовидными клювами ловко выбирают семена из березовых сережек и шишечек ольхи. На пустыре они тоже легко находят для себя лакомство: лебеду, ширлицу. А наш знакомый снегирь клюет своим толстым коротким

Клюв щегла удобен для вытаскивания семян репейника.

клювом здесь и свербигу, и гравилат, и чемерицу (на речных лужайках), и череду, и лебеду, и ширлицу.

Например, клесты с их клювом-щипцами, приспособленным для доставания семян ели, пихты, лиственницы и сосны, появляются у нас лишь в годы с высокими урожаями хвойных деревьев. Дубоносы, чей клюв спосо-

бен раздробить скорлупу плодов черемухи, вишни и терновника, мало доступных для других зерноядных, задерживается у нас на зиму лишь до тех пор, пока на ветках еще сохраняются черемуховые и терновые плоды.

Вы познакомились с зимней жизнью снегирей из центральных областей страны. Но снегири распространены очень широко.

Различные географические расы этих птиц сильно отличаются друг от друга не только по окраске, но и по образу жизни. Например, снегири с Кавказа зимой поедают большое количество семян облепихи и омелы, почти не встречающихся в средней полосе. Серые снегири из Восточной Сибири едят в основном семена рододендрона. А питание дальневосточных снегирей до сих пор еще мало изучено. Вот поэтому юннатам не-

Снегирь легко склевывает почки деревьев, выбирает семена из плодов клена, свербиги и других растений.

обходимо наблюдать за птицами в разных районах нашей большой страны.

Свои наблюдения, ребята, присылайте к нам в журнал. Самые интересные из них мы напечатает в «Юном натуралисте».

На конверте обязательно сделайте пометку «Вести с опушки».

Ждем ваших писем.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

Давно перестал чураться людей дикий лесной великан. А в бескормицу и непогоду сохатый подходит к кормушкам и солонцам.

Недалеко от города Кумертау и сфотографировал его Сергей Мурашов. Лось спокойно отдыхает, не боясь человека, да и люди привыкли к нему.

И может быть, скоро станет лесной великан домашним животным: ведь в некоторых областях страны уже созданы лосиные фермы.

С Новым годом, друзья! Каждый, кто откроет эти странички журнала и заинтересуется тем, что тут написано, а потом захочет рассказать о своих наблюдениях, выполнить задания, ответить на вопросы и задать свои, может назвать себя Почемучкой, членом нашего клуба. Мы рады приветствовать всех вас, дорогие друзья!

В течение года вы побываете на двенадцати заседаниях, и в каждом будут рассказы самих Почемучек, выступления наших гостей — ученых, путешественников, натуралистов. Мы познакомимся с разными уголками нашей замечательной Земли, сможем более внимательно

присмотреться и к тем животным и растениям, что живут рядом с нами.

Итак, с Новым годом, дорогие наши прежние друзья Почемучки и новички! Открываем первое в этом году заседание.

Клубы бывают разные. Одни объединяют людей, собирающих марки или значки. Другие — собаководов и любителей домашних кошек. Словом, клуб — это группа людей, одинаково интересующихся той или иной проблемой. Представляем вам один такой клуб. Он необычный. Его участники выбрали в качестве объекта своего внимания... дельфинов.

Сегодня

Наш гость — „ЧИД“

«ЧИД» — первые буквы словосочетания «Человек и дельфин». Члены его, взрослые и дети, называют себя чидовцами. Его адрес: 352842, Краснодарский край, Туапсинский район, Всероссийский пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орленок», обсерватория, «ЧИД».

Почему обсерватория? Обратимся к уставу клуба. «ЧИД» — добровольная общественно-научная организация, ведущая работу в области контактоведения...» Не очень понятно? Читаем дальше. Одна из задач клуба — «пропаганда развития дружественного отношения человека к различным представителям жизни на Земле, научных знаний о наших «младших братьях» — животных и поисках «старших» — космических цивилизаций. А дельфины — как бы одна из моделей наших возможных, но не обнаруженных пока братьев по разуму. Познавая их жизнь, пытаюсь установить с ними контакт, мы тем самым готовимся к контакту внеземному».

Понятно, тут много фантастики. Но она не вытесняет реальные исследования, а удачно с ними соседствует. Побережье «Орленка» будто бы специально создано для наблюдений за дельфинами. Но об этом лучше расскажет председатель клуба астроном Лилия Николаевна Филиппова.

— Наблюдения — лишь одна из форм нашей работы. Сколько этих животных проплывают вблизи берегов? Как часто? Зачем подходят так близко к берегу? Играют они или только охотятся за рыбой? Может быть, хотя бы получше рассмотреть нас, людей? Действительно, ситуа-

ция довольно загадочная — шумный лагерь не пугает животных...

«Орлята» тщательно фиксируют свои наблюдения в специальном журнале, регистрируют все случаи появления дельфинов у берега, их поведение, распознают, какой именно вид попал в их поле зрения (а видов в Черном море три. Какие? Таков наш первый вопрос Почемучкам).

Клуб дружит с учеными из Института океанологии АН СССР и Батумским дельфинарием. Несколько сотрудников этих учреждений стали членами «ЧИДА». Приняли в клуб и дельфина. Вот он на фото — Давид Персеевич Батумский.

Клуб «Человек и дельфин» молодой, ему всего три года. Заочными его членами могут быть все Почемучки, причем им совсем обязательно жить у моря. Но важно другое: выполнить задания, которые предлагает «ЧИД». Первый вопрос уже задан. Познакомьтесь с остальными заданиями.

«Эксперимент в море». Представьте, что вы — ученые, исследователи дельфинов. Находитесь в море на лодке, оснащенной необходимой аппаратурой. В поле зрения плывут дельфины, например афалины. Каковы ваши действия с целью изучения дельфинов? С целью привлечь их внимание и заинтересовать дружбой с вами?

«Датчик АРУ». Случаи появления дельфинов вблизи берегов представляют интерес для ученых. Представьте, что группе ребят поручено наблюдать за прибрежной полосой моря и регистрировать все случаи появления дельфинов. Патрулирование должно вестись постоянно (например, даже ночью), но этому мешают разные обстоятельства.

В такой ситуации оказался бы полезным датчик АРУ (автоматическое регистрирующее устройство). Предложите принцип работы датчика, который в зоне своего действия замечал бы каждого дельфина. Где должен быть установлен датчик АРУ — на дне, буйке или пирсе? Или есть другие варианты?

«Игра». Дельфины — игривые и веселые морские обитатели. Они охотно играют друг с другом или с предметами — мячом, кольцом, рыбой. Предложите свои варианты одинаково интересной для вас и дельфина игры, например в условиях дельфинария. Игры могут быть не только подвижными, но и на сообразительность.

Предложите проект (модель) занимательных игрушек или развивающих тренажеров для дельфинов.

«Дельфин-помощник». В будущем человек хотел бы видеть в дельфинах своих помощников в морях и океанах. Какими вам представляются будущие профессии дельфинов?

«Модель океаноида». Вероятно, в космосе существуют планеты, полностью покрытые океаном. Быть может, они обитаемы и даже населены разумными существами. Предположите, каков облик разумных обитателей планеты Океан и как вступить с ними в контакт нам, землянам? Есть ли у них наука? Техника? Искусство? Сельское хозяйство? Если «да», поясните примерами. Как представляют океаноиды свою планету во вселенной? Свое солнце? Звезды?

Итак, получено шесть заданий. Повторяем, отвечать на них могут абсолютно все. Почему-то, даже те, кто отдален от океана тысячами километров степей, лесов, пустынь. Ответы желательны оформить на листах чертежной бумаги с пояснительными рисунками или чертежами. Лучший ответ будет опубликован на страницах Клуба Почемучек. В письме, отправленном в адрес журнала, не забудьте пометить: Клуб «ЧИД». Желаем успеха!

Дельфины давно уже поражают исследователей своими необычайными способностями: сложностью и многообразием «языка», необыкновенной общительностью, удивительной жадой находить для себя разнообразные занятия, исследовать новые предметы. Опыты с дельфи-

нами сложны, потому что они все осваивают очень быстро, задают много загадок, которые ученые пока не всегда могут разгадать.

Мы рекомендуем всем вам, друзья, прочитать интереснейшую книгу американского биолога Карен Прайор, проработавшей много лет дрессировщицей дельфинов в крупнейшем океанариуме США. Книга называется «Несущие ветер», переведена и издана в издательстве «Мир» в 1981 году.

Другие животные в различных ситуациях тоже нередко поражают людей своим необычным поведением. Вот письмо Николая Петровича Каныгина.

Сорочья песня

Январский день. Уже несколько дней падает крупными хлопьями снег. Иду по заснеженной аллее парка и вдруг слышу... весеннюю песню скворца! Поворачиваю голову на голос птицы, иду скворца, а вижу сороку, которая, запрокинув голову, в упоении распевает. Рядом сидит другая и словно зачарованная слушает свою подругу.

О чем же так радостно распевала сорока среди зимы? Может быть, призывала весну, а может быть, радовалась снегопаду?

А для меня открытие. Я знал сорокострекотунью, знал, что она служит лесным дозором. А теперь узнал, что она, оказывается, может быть певуньей! Спасибо январскому снежному дню!

В природе нет, пожалуй, ни одного живого существа, которое могло бы жить совершенно спокойно, не опасаясь врагов. Есть враги и у страшных крокодилов. О них рассказывает Николай Иванович Громов.

Кто мешает крокодилу?

Конечно, самый главный враг крокодилов — человек. Люди истребляли этих гигантских рептилий везде, где те обитают, — в Азии, Америке, Африке и Австралии. Но человек далеко не единственный враг крокодилового племени. Оказывается, в природе его подстерегает множество опасностей. Вот что выяснили ученые.

Рис. В. Кованова

На юге Африки, в Зулуленде, главный враг крокодилов — нильский варан. Нет, на крокодила он не нападает. Он грабит гнезда этих рептилий. Из 60—70, что по соседству, непременно очистит около двадцати гнезд. И отчасти потому, что оба животных обитают в одних и тех же местах, иначе говоря, делают одну и ту же жилплощадь. Вараны используют любую возможность, чтобы ограбить крокодилово гнездо, нисколько не смущаясь присутствия родителей.

Ученые наблюдали такую картину. Варан тащил из гнезда яйца, в то время как рядом, в шести метрах, лежало трехметровое чудовище и охраняло соседнюю кладку. А другой варан спокойно прополз между двумя взрослыми крокодилами, нашел нетронутое гнездо и принялся растаскивать яйца.

Он всегда грабит гнезда одинаковым способом. Как только находит неохраняемую кладку, принимается раскапывать верхний слой. Потом берет в челюсти яйцо и тащит в укрытие, прокусывает оболочку и съедает содержимое. Затем возвращается за вторым яйцом, но тащит его уже в другое место.

Еще один истребитель крокодилового потомства — водяной мангуст. Он берет яйцо, продерывает в оболочке дырочку зубами и выпивает содержимое. Охотится обычно по ночам.

Атаки муравьев различных видов также становятся причиной гибели многих едва вылупившихся крокодилячков. Насекомые заползают в гнезда, только что вскрытые крокодилом-мамой, и облепляют новорожденных детенышей, которые еще слишком малы, чтобы убежать от нашествия муравьев. Это происходит, как правило, в гнездах, расположенных далеко от воды.

Еще двое врагов молодых крокодилов — ночные разбойники генетта и пятнистый африканский филин, нападающие на молодых рептилий.

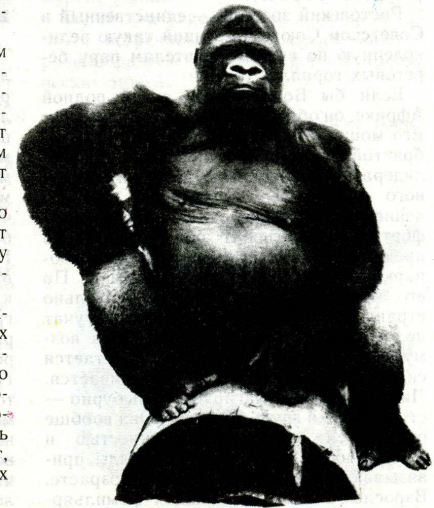
Так что крокодилам хватает забот и без людей. Не такие уж они неуязвимые.

Этот африканский житель по кличке Бола позировал фотографу — Аркадию Яковлеву не на своей родине, а в Ростовском зоопарке. Живется ему там совсем неплохо, есть у него и подруга по кличке Лиза. Об этом экзотическом семействе рассказывает методист Ростовского зоопарка Ольга Александровна Бачилова.

Если бы он жил в Африке

Впечатляет, не правда ли? А что говорить о посетителях, которые впервые видят нашего Болу?

Болу мы получили в 1971 году из Сухумского питомника Института экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР. Было ему пять лет и восемь месяцев, вес — 40 килограммов. В питомник он попал в восьмимесячном возрасте, где его в буквальном смысле вынянчили. Лиза, подруга Болы, поступила в Ростовский зоопарк в 1975 году с центральной базы зоообъединения. Весила она всего 20 килограм-

мов и страдала тяжелой формой рахита. После почти годичного очень сложного курса лечения наступило полное выздоровление.

Когда ее впустили в клетку к Боле, его реакция была неожиданной — он отнесся к Лизе как к очередной своей игрушке и начал ее подбрасывать. Лишь на четвертый раз Бола воспринял Лизу как живое существо. Мир их за все эти годы ни разу не нарушался.

Род горилл включает два подвида — горилла западная береговая, обитающая в Камеруне, Габоне, Рио-Муни, и горилла восточная горная — из областей к северу и востоку от озера Киву.

У горных горилл шерсть длиннее и гуще, чем у береговых, особенно на руках, лицо уже, руки короче. Береговая живет в густых влажных тропических лесах. Лишь немногие естествоиспытатели могли проникнуть в эти труднодоступные джунгли. Поэтому о жизни гориллы низменностей известно очень мало.

Сегодня отмечено более ста случаев рождения горилл в зоопарках. Первый зафиксирован в США в 1956 году. Продолжительность жизни этих приматов 40—45 лет. Как и все антропоиды (шимпанзе, орангутаны и гиббоны), гориллы занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП).

Ростовский зоопарк — единственный в Советском Союзе, имеющий такую великолепную по всем показателям пару береговых горилл.

Если бы Бола жил в своей родной Африке, он обязательно был бы вожаком. Его мощная спина покрыта густой серебристой шерстью — это главный признак лидера, а глаза полны мудрости и спокойного достоинства. Правда, он немного ленив, но это скорее от излишнего комфорта. Очень любит общение, однако предпочитает общество сотрудников зоопарка. Посетители его раздражают. По его мнению, они ведут себя довольно странно: гримасничают, кричат, стучат по стеклу... В такие моменты Бола возмущенно ухает и уходит, а если остается сидеть, то презрительно отворачивается. Лиза, напротив, реагирует очень бурно — стучит себя в грудь, прыгает. Она вообще отличается большей подвижностью и контактностью. К людям гориллы привязываются только в раннем возрасте. Взрослые животные никаких фамильяр-

ностей с собой не позволяют. Сила у них колоссальная, поэтому у сотрудников особого желания пообщаться с ними не возникает, хотя Лиза иногда позволяет заходить к себе в вольеру. В жаркое время она очень любит купаться. Пока ванна полная, Лиза с наслаждением плещется. Потом, выплеснув всю воду, поднимается в полный рост и начинает с обиженным видом бить ногами по дну. Еще больший восторг вызывает у Лизы душ из шланга. Зато Бола с неподдельным удовольствием принимает лекарства, даже самые горькие. На такие «подвиги» Лизу уговорить очень трудно.

Сейчас гориллы в зимних помещениях, где вместо солнышка светит кварцевая лампа, и о купании приходится только мечтать.

Посмотрите внимательно на Бола и представьте себе такую же гориллу, но совершенно белую, альбиноса. Ту самую, которая родилась в джунглях Рио-Муни в 1967 году. В свое время она вызвала сенсацию. Ведь все необычное вызывает недоумение и интерес!

К нам в клуб недавно прислали вот такой интересный документ, найденный в одном из архивов. Обнаружил его Константин Александрович Аверьянов.

Белая ворона и царский уназ

Этот забавный случай произошел более двух веков назад. В 1719 году в Переславле-Рязанском была поймана белая ворона, альбинос. Слух об этом дошел до Москвы, и вскоре оттуда приехал гонец с царским указом: «Артемью Фаддеевичу Кивцовскому. Ведомо нам, Великому Государю учинилось, что ныне есть у тебя в поймке птица белая ворона, и по нашему Великому Государю указу велено ту птицу взять в Москву и для взятия той птицы послан к тебе с сею нашего Великому Государя грамотою нарочно лейб-гвардии Преображенского полка солдат Василий Островский, и как к тебе с нашего Великому Государя грамота придет, ту птицу отдай тому солдату, устроив место в чем ее можно довести в Москву в целости, и велев дать ему на ту птицу в дорогу довольно корма, подводу и провожатых, чтоб ей в дороге какой гибели не учинилось...»

Ворона была доставлена к Петру I. Впоследствии ее чучело находилось в знаменитой петербургской Кунсткамере среди множества различных дикувинок.

Наше сегодняшнее заседание — новогоднее. В это время обычно устраивают маскарады, рассказывают небылицы, слушают сказки и разные чудачества. Вот и у нас почти сказки! Признайтесь, Почемучки, слышал ли кто-нибудь из вас песни мышей?

Можно подумать, что такого не бывает. Однако наш гость Николай Иванович Пичугин утверждает, что он слышал, как самая обыкновенная домовая мышь пела, словно птица.

Поющая мышь

Было это давным-давно. Еще мальчиком я любил певчих птиц за их красоту и пение. Целыми днями пропадал в лесу или в саду. Вечером же часто наблюдал, как наша кошка ловит мышей.

И вот однажды я заметил, как кошка отчего-то встрепенулась, спрыгнула с моих коленей, побежала в угол кухни, наострила уши и, помахивая хвостом, уставилась в одно место. В то же время и я услышал какие-то слабые звуки, идущие из угла, где уселась кошка. Но монотонное постукивание маятника больших старинных часов не давало возможности определить сразу характер этих звуков. Я осторожно остановил часы, приблизился вплотную к кошке и тут явственно услышал тонкие тихие звуки, похожие на переключку синичек-московок.

Потом я услышал тихие нежные звуки вроде легкого щебетания, напоминающие трель лесного королька. С удовольствием вслушивался я в эти очень красивые мелодичные звуки. Но, к моему сожалению, кошке больше хотелось съесть певунью, чем ее слушать. Она внезапно бросилась в угол и, прорвав лапами обои, вытащила мышь.

Пение прекратилось. Я понял, что пела действительно мышь.

В сказках случаются разные превращения. Один зверь может легко превратиться в другого, а потом принять прежний облик. А на самом деле такое может сделать одна из коралловых рыбок.

Вот рассказ Бориса Исааковича Силкина.

Рыбий маскарад

Обычно коралловые рыбки, когда их что-либо напугает, тут же прячутся среди ветвей родных им зарослей кораллов. Ихтиолог Джон Маккоскер, ставший заодно и опытным аквалангистом, решил понаблюдать таких рыб «у них дома», вблизи Коморских островов в Индийском океане.

Так он обнаружил странную особенность пятнадцатисантиметровой рыбки плезиопида, встречающейся на широком пространстве от Филиппин до берегов Мозамбика. Оказалось, что в отличие от всех своих «коллег» эта рыбка вовсе не желает прятаться среди кораллов в надежде, что ее не заметят.

Наоборот, завидев опасного врага, она надувается и изменяет свою окраску так, что все тело — все целиком — становится неотличимым от одной лишь головы мурены. Дело в том, что мурена и немного крупнее хитрой рыбки, и смертельно опасна. Об этом прекрасно знают все обитатели окрестных вод и поспешно уступают дорогу замаскировавшейся под мурену рыбке.

Такой вид угрожающей мимикрии нечасто встречается даже среди богатой разнообразием «уловок» фауны тропических морей.

До встречи в феврале, дорогие Почемучки!

Оказываются

Величественная осанка, белый фрак, красная шапочка на голове. Это американский журавль, птица очень редкая. Сегодня их осталось всего 85, хотя в прошлом веке насчитывалось около полутора тысяч.

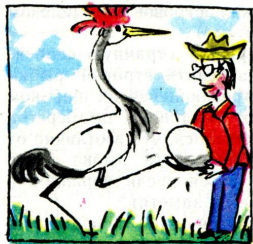

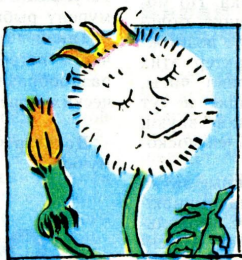
Рис. В. Каневского

Каждую весну большинство из них одной стаей отлетает с места зимовки в штате Техас на гнездовья в Канаду, в национальный парк Вуд-Баффало.

Недавно ученым удалось обнаружить вторую стаю, которая зимует в южном штате Нью-Мексико и гнездится в северо-западном штате Айдахо. К сожалению, она очень малочисленна. Научные сотрудники заказника Озеро Грейс, расположенного в штате Айдахо, разработали многолетнюю программу увеличения этой популяции американских журавлей. Они выборочно забирают яйца из некоторых гнезд и подкладывают их в гнезда канадских журавлей. Таким образом уже выведено 7 птенцов. Задача, стоящая перед учеными, чрезвычайно сложна, так как из ежегодного выводка популяции только половина доживает до

трехмесячного возраста, когда птица поднимается на крыло.

Одуванчик, многолетнее растение семейства сложноцветных, вряд ли когда-либо пользовался у людей большим уважением. Правда, его молодые листья вполне пригодны для приготовления витаминного салата, высушенные же корни применяют и как средство, возбуждающее аппетит, и как желчегонное. Одуванчики применяют и как лекарство при малокровии, почечной недостаточности, различных кожных заболеваниях, бессоннице, ревматизме и неврозах. Цветы одуванчика, оказывается, издают запахи, ускоряющий созревание плодов, а корни, расположенные глубоко в земле, после гибели цветка повышают содержание в почве питательных веществ, которыми пользуются другие растения. Все

эти данные еще нуждаются в проверке, однако взгляды на одуванчик как на никчемный цветок, вероятно, будут пересмотрены.

...Почему лягушки, вернее, те из них, которые зимуют, спрятавшись в укромном местечке на суше, не погибают от морозов? А ведь морозы бывают довольно крепкие. Как выяснили зоологи, к началу зимы лягушки синтезируют в своем теле спиртовый антифриз. Обнаружены три вида лягушек, «умеющих» произ-

водить глицероль, благодаря которому, укрывшись в ямке под листьями, лягушки благополучно зимуют.

Не так давно ученые в США провели исследование, насколько сильно влияют на водоплавающую дичь пестициды, применяемые в сельском хозяйстве. Выяснилось, что наряду с восемнадцатью другими пестицидами в мясе гусей и уток был обнаружен высокий уровень токсичного пестицида эндрина. Озадачило исследователей и то обстоятельство, что в тушках уток и гусей обнаружили новые токсичные вещества, подобные широко известному ДДТ. Между тем эти препараты уже долго не используются в сельском хозяйстве. Объяснить такой факт ученые пока не могут.

В ЦАРСТВЕ НЕПТУНА

С первых же мгновений погружения в Японское море нас обступает таинственная тишина. Плеск воды остается где-то на поверхности. Вот и дно, глубина 15 метров, вода сравнительно теплая, и термометр показывает плюс 14 градусов.

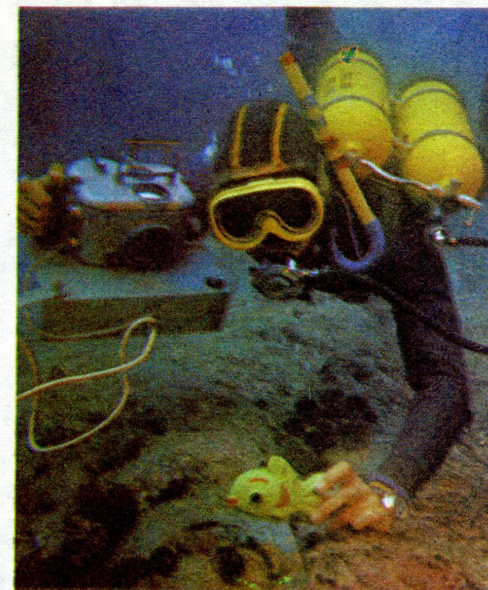
Кругом множество звезд. Еще больше морских ежей. На камнях выставили из трубочек-домиков свои венчики червиполихеты. Подплываю к ближайшему камню, наиболее богато усеянному животными, навожу фотоаппарат со вспышкой и снимаю. В момент вспышки близлежащие камни, облепленные звездами, губками, водорослями, вспыхивают множеством ярчайших красок. Великолепная картина, жаль, что вспышка так коротка!

Принимаемся за выполнение намеченного эксперимента. На привязи у сопровождающего меня аквалангиста из клуба подводного плавания «Горгона» Ивана Анушенко пластмассовый муляж рыбы — игрушка.

Известно, что некоторые рыбы ведут сравнительно оседлый образ жизни и не любят, когда в их владения вторгаются иные существа. Это мы и хотим проверить на бычках и скорпенах. Мы хотим понаблюдать за реакцией рыб на наш муляж, заснять их необычное поведение.

На вершине небольшой подводной скалы случайно замечаем еще одного бычка. Он спокойно лежит и удирать не собирается. Мы обменялись сигналами и аккуратно приблизились к рыбе. Я гляжу в видоискатель аппарата, а Иван начинает аккуратно за леску протягивать нашу «рыбку» перед хозяином скалы. Готов снимать в любую секунду. Но рыба не обращает никакого внимания на наши фокусы. Вижу, что зрачок у нее поворачивается вслед за нашей «рыбкой», но сама она остается неподвижной. Видимо, мы представляем для нее большую опасность, и она основное внимание обращает на нас. Оставляем рыбу в покое.

Выплываем на песчаную площадку, покрытую камнями. Около россыпи камней с пещеркой замечаем груду белых раковин, уже пустых. Скорей всего здесь должен быть и хозяин пещеры — осьминог. Подплываем поближе. И точно: под

Опыты с пластмассовой рыбкой.

камнем расположился осьминог средних размеров. Решаем выманить осьминога из его жилища. Просто так его оттуда не извлечь, так как он способен очень сильно присасываться. Я быстро достаю нож, аккуратно разрезаю двух ежей и кладу это угощение перед входом. Но получается обратный эффект. Осьминогу, похоже, очень не нравится, что мы намусорили в его жилище. Он злится, меняет цвет, щупальцами отбрасывает наше угощение, при этом сам выходит из пещеры.

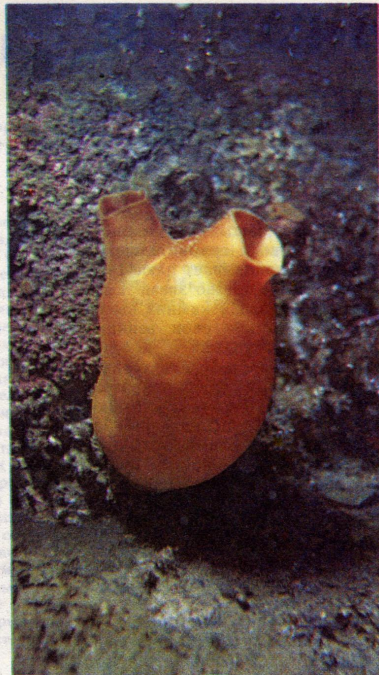
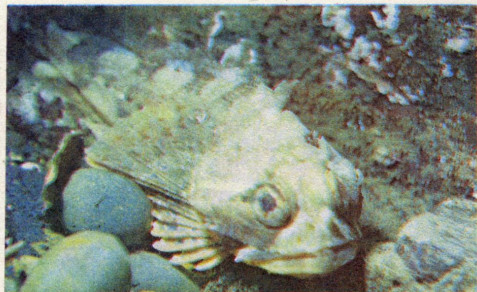
На палубе с облегчением снимаем наше водолазное снаряжение. Заниматься подводной фотографией не просто. Ведь подводному фотографу необходимо в совершенстве владеть мастерством аквалангиста и, естественно, обладать высокой физической выносливостью.

В. ГУДЗЕВ
Фото автора

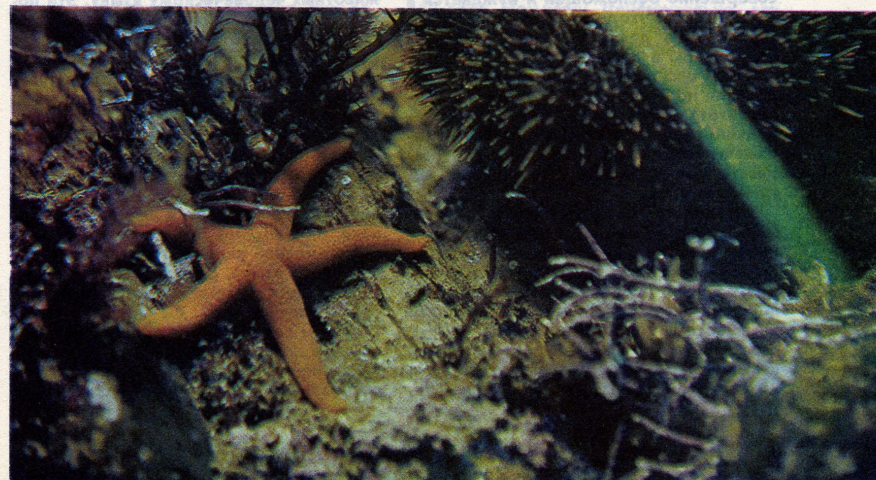
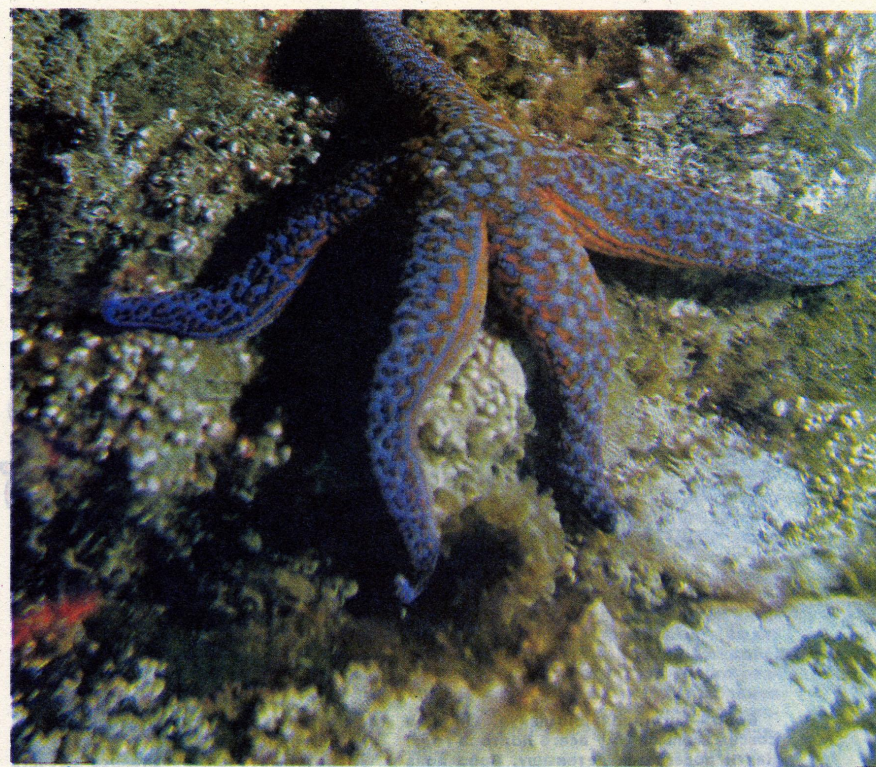

Оказываются

*Рыба из семейства керчаковых.
Встреча с осьминогом.
Асцидия.
Морские звезды и ежи.*

смотреть, как Уошо, оставшись одна, рассматривала в журнале картинки. Увидев тигра, малышка сделала знак «кошка», а наткнувшись на рекламу вина, где были изображены бутылки, воспроизвела жест «пить». Закончив пятилетний срок обучения, Уошо была переведена в колонию еще не обученных обезьян и там постоянно пыталась с ними общаться, требуя: «банан дать», «ты обнять я», «ты я щекотать». В конце концов через полгода некоторые обезьяны не только научились понимать отдельные жесты, но и сами стали пользоваться ими.

А могут ли другие животные научиться языку? Да, могут. Когда собака гремит миской, куда забыли налить воды, нетрудно догадаться, что она хочет пить и доводит это до сведения своих хозяев, а если она явилась с мячиком в зубах, нет никаких сомнений, что это просьба поиграть с ней.

Но собак не особенно трудно обучить 5—10 «словам». У меня дома живет фокс. Эти небольшие собачки обладают неукротимым темпераментом и такими большими зубами, которые скорее подошли бы овчарке. Выводить на прогулку фокстерьеров — целая проблема. Приходится или надевать им намордник, или затыкать рот какой-нибудь поноской. Я предпочитаю последнее. Со щенячьего возраста мой фокс приучен, что, когда мы выходим из дома, у него должно быть что-нибудь в зубах. Когда мы собираемся просто пройти по улицам, я даю ему легкий складной зонтик, если же направляемся побегать на пустырь — мячик.

Фоксы — страшные задиры, а чтобы драка с собакой не стала особенно кровопролитной, чтобы ее вовремя прекра-

тить, очень хорошо иметь при себе плетку. Отправляясь на прогулку в такое место, где бывает много собак, я поручаю собаке нести плетку. Наконец, когда мы едем за город, собака несет намордник. Хочешь — не хочешь, а в поезде его придется надеть. Мой фокс отлично знает назначение каждой поноски, и когда я даю ей команду «гулять» и сообщаю, куда мы идем, она сама выбирает из ящичка нужный предмет.

Иногда я поступаю иначе. Оставив в ящичке 2—4 поноски, спрашиваю собаку, куда ей хочется пойти гулять, и она приносит тот предмет, с которым пойдет из дома. Больше всего ей нравится ездить за город, поэтому, прежде чем спрашивать о ее желаниях, из ящичка приходится убирать намордник. Не меньшим успехом пользуется драка с собаками. И если с улицы раздается лай знакомого пса, с которым разрешается драться, мой фокс, не ожидая команды «гулять», хватает в зубы плетку и тыкается ею в мои колени.

Поноски для нас с моим четвероногим другом являются «словами». В нашем словаре больше 20 слов. «Говорящий» пес даже в городской квартире становится полезным членом семьи. Моему фоксу поручено следить за почтой. Он своим чутким собачьим ухом каким-то образом умудряется услышать, что в мой почтовый ящик почтальон опускает газету или письмо. Придя домой, я спрашиваю собаку: «Есть ли почта?» И если есть, она подает мне ключ от ящика.

Б. СЕРГЕЕВ,

доктор биологических наук

Рис. В. Перльштейна

Вомбат

В 1797 году у южных берегов Австралии, в Бассовом проливе потерпел крушение корабль, приплывший сюда из Европы. Команда выбралась на берег. Моряки выжили, питаясь мясом какого-то неизвестного сумчатого животного. Их в конце концов спасли, и в Лондон доставили экземпляр неизвестного зверя. Осмотрев животное, авторитетные зоологи заявили: «Мы никогда не видели ничего подобного».

Так европейцы познакомились с вомбатом — одним из наименее изученных австралийских сумчатых. Похожих на него животных в природе действительно не существует. Правда, внешне вомбат несколько напоминает европейского бобра, но в родстве с ним не состоит.

Как и многие другие представители уникальной австралийской фауны, вомбат — животное очень древнее. Его предки появились на Земле примерно 65 миллионов лет назад, во времена, ког-

да начали вымирать динозавры, а на смену им пришли теплокровные, покрытые шерстью животные. Предки вомбата были невелики по размеру, жили на деревьях, перебирались с ветки на ветку с помощью длинных, как у обезьян, хвостов или цеплялись за стволы большими пальцами лап.

Современный вомбат спустился с верхушек деревьев в норы. Это одно из самых крупных в мире животных, роющих подземные ходы.

В семействе вомбатов четыре вида. Тело у всех у них плотное, широкое, голова круглая, с крошечными глазками-пугавками и широким носом. На лапах длинные когти, прекрасно приспособленные для рытья. За считанные минуты вомбат может скрыться, зарывшись в землю и прокопав туннель, в который мог бы пролезть даже человек. Такие туннели достигают порой тридцати с лишним метров.

«Увлеченность» вомбата рытьем подземных ходов приносит иногда неожиданные результаты. Благодаря этому животному, например, было открыто одно из крупных месторождений меди в Южной Австралии. Обездчик заметил возле норы вомбата куски руды. Вскоре в этом месте началась разработка медного месторождения.

Вомбат вегетарианец. Питается в основном травой, аккуратно срезая ее на уровне земли, как это делает газонокосилка.

У этого животного почти нет врагов — его грубую кожу практически невозможно прокусить. Сзади вомбат защищен еще и броней, похожей на панцирь броненосца.

Зверь пуглив и осторожен, но приручить его легко. Он может жить в доме, его даже можно научить открывать двери. У этого животного хороший слух и нюх, но плохое зрение. Известны случаи, когда вомбат терпеливо сидел возле одежды своего хозяина, не подозревая, что самого владельца этой одежды дома нет.

Рыба-попугай

Во многих морях мира водится рыба-попугай. Свое имя она получила благодаря двум особенностям — яркой окраске и необычным зубам: они напоминают клюв попугая. Именно плотно смыкающиеся друг с другом пластинки во рту и отличают рыбу-попугая от похожего на нее губана.

Классификация этой рыбы сложна, и ученые еще не пришли к согласию по этому поводу. Существует несколько типично средиземноморских видов рыба-попугаев. Самый распространенный из них — критская рыба-попугай, она встречается у берегов Греции, Крита, Турции. Для Красного моря наиболее типична зеленая рыба-попугай, которая может достигать метра и больше в длину. Оби-

Продолжительность жизни животного обычно не превышает 15 лет. Появившись на свет, малыш полгода живет в сумке матери. К двум с половиной годам он превращается во взрослого вомбата.

Это безбидное и симпатичное животное. Тем не менее его главный враг — человек. Все дело в том, что, постоянно роая подземные ходы, вомбат иногда подкапывает ограды, за которыми пасутся овцы. В результате в загоны проникают одичавшие собаки динго и из загонных убегают овцы. Поэтому вомбаты считаются вредными животными. На них охотятся, их травят и заманивают в ловушки в таких количествах, что во многих районах вомбаты уже стали редкостью или полностью истреблены. Треть из четырех видов грозит полное исчезновение.

В 1967 году Международный союз охраны природы и природных ресурсов занес вомбата в список животных, которым угрожает опасность исчезновения. Для сохранения этого животного специалисты организовали несколько небольших заповедников.

тают здесь и голубые, красные, желтые, фиолетовые рыбы этого семейства.

До сих пор в распоряжении ихтиологов очень немного точных описаний рыба-попугаев. Дело в том, что эту рыбу нельзя поместить в аквариум и наблюдать за ее поведением. Она ведет слишком сложный образ жизни, и связано это прежде всего с ее питанием.

Вопреки долго существовавшему мнению, что эти рыбы поедают исключительно коралловые полипы, выяснилось, что в их рацион входят водоросли, которые они соскребают с кораллов своими сильными «клювами».

Глоточные зубы рыба-попугаев перетирают известковые вещества кораллов. Рыбы проглатывают эту известковую

пыль, питательные вещества перевариваются в организме, а остатки выбрасываются в форме мелкого песка.

Наблюдать за поведением рыбы-попугая в естественных условиях можно, только находясь под водой. Эти рыбы отличаются лихорадочной дневной активностью. Они ведут себя крайне беспокойно, плавают от одного скопления кораллов к другому, постоянно скребут полипы. Рыбы-попугаи очень пугливы, поэтому за ними трудно наблюдать, трудно их фотографировать. Просто невозможно приблизиться к ним ближе чем на два метра.

К вечеру активность рыба-попугаев резко падает, и они принимаются искать маленькую нишу для ночевки. У некоторых есть постоянные убежища в виде подводных пещер, и они регулярно проводят там ночь. Другие забиваются в узкие щели. Именно ночью лучше всего наблюдать за рыба-попугаем. Можно даже взять ее в руки, и она никак не отреагирует на это. Если же вдруг проснется, то в ужасе попытается удрать, двигаясь зигзагами, натываясь на кораллы.

Некоторые виды рыба-попугаев на ночь образуют вокруг себя настоящий кокон. В течение получаса они выделяют слизь, и тело их оказывается как бы внутри пузыря. Назначение этого прозрачного «панциря» до конца не установлено. Может быть, это ядовитая оболочка, которая призвана защитить рыба-попугая от мелких морских животных. А есть и такие рыба-попугаи, которые спят без всякой защиты, расположившись где попало на коралловых рифах или на песке, отнюдь не опасаясь возможного нападения хищников.

Жители острова Таити высоко ценят мясо некоторых этих рыб, используя его для приготовления одного из национальных блюд — кусочки рыбы варят в лимонном соке.

С. СУХАЯ

ПЛЕМЯ ДЛИННОУХИХ

В далекие времена дикие кролики жили почти во всей Западной Европе. Однако, спасаясь от холода в период оледенения, они сумели удержаться лишь в западной части Средиземноморья: в Испании, на островах и островах, и в странах, расположенных на крайнем северо-западе Африки. А затем европейские кролики появились там, куда привозили их люди. Где было тепло и росла трава, они чувствовали себя как дома, даже лучше. Так было на Балеарском архипелаге. Потомки пары кроликов настолько заполнили всю территорию, что местные жители взмолились и обратились с просьбой к римскому императору прислать им солдат для войны с нахальными зверьками. Так было в Австралии, Новой Зеландии, Тасмании. Но о войне с кроликами поговорим чуть позже. А сейчас — о диких кроликах, которые живут на других континентах.

Во всем мире живет более 20 видов диких кроликов. Наибольшее разнообразие их в Северной Америке и Африке, один вид — в Европе. В Азии диких кроликов нет. Относятся кролики к отряду зайцеобразных, семейству зайцев, роду кроликов.

Одомашнен был лишь единственный вид — европейский дикий кролик. От него и пошло то многообразие пород домашних длинноухих зверьков.

Американские жесткошерстные кролики несколько крупнее европейских, и, как уже видно из их названия, шерсть у них более грубая, иногда даже щетинистая. В роду жесткошерстных тринадцать видов. Облюбовали они для себя болотистые леса, кустарниковые заросли и поляны обеих Америк, от Южной Канады до Аргентины и Парагвая. Среди них флоридский кролик, кустарниковый, водяной, болотный, бразильский, или тапиги, кролик-пигмей, кролик Одюбона.

В отличие от своих европейских собратьев нор они обычно не роют, а гнезда устраивают либо в углублениях почвы, либо ямки небольшие выкапывают или занимают чужие квартиры, например норы лисиц.

Флоридский кролик, или иначе кролик — ватный хвост, прозванный так за свой корот-

кий округлый хвост, белый снизу и с боков, обитает на очень большой территории Южной и Северной Америки. Он приспособился жить и в тропиках, и в прерии, и в местах со снежной зимой.

Среди кроличьего племени флоридский считается лакомкой. В траве он выбирает самые молодые, самые сочные листочки, а зимой, питаясь корой, почками и ветвями, особое предпочтение отдает коре дерева суаха.

У болотного и водяного кроликов своя особенность: любят и умеют хорошо плавать. Живут они по берегам рек и озер в зарослях густой травы и в лесах, по болотистым равнинам. Чуть что, нырнут в воду и уходят от преследователя, попробуй поймай его под водой! Есть среди американских кроликов и кролик-пигмей — самый маленький, весит всего четыреста граммов. Шерсть у него очень густая, мягкая, шелковистая. Этот кролик роет норы так же, как и европейский.

В Мексике, в полусотне километров от Мехико, на территории всего в 40 квадратных километров живет редчайший из кроликов — тепоринго. Его зовут еще вулканическим, так как обитает он на склонах вулканов, поднимаясь почти до самых снегов. Этот маленький рыже-серый бесхвостый кролик с небольшими кругловатыми ушками чем-то напоминает пищу. В Мексике он внесен в число наиболее строго охраняемых животных.

Живут представители семьи длинноухих и в Африке. В зарослях кустарников, в саваннах обитает курчавохвостый кролик. Не напрасно он так назван. Действительно, его довольно длинный, до тринадцати сантиметров, хвост покрыт густыми курчавыми волосами. А в остальном он совершенно обыкновенный — буровато-серый дикий кролик с мягкой шерстью на шкурке. Образ жизни его пока не изучен.

В южноафриканских горах обитает красный курчавохвостый кролик. Норы он устраивает в расщелинах скал, а кормится на травянистых лугах. От всех остальных своих собратьев эти кролики отличаются тем, что любят переговариваться друг с другом визгливыми пронзительными голосами, тогда как остальные

- 1. Европейский дикий кролик.
- 2. Флоридский кролик.
- 3. Кролик-пигмей.
- 4. Бразильский кролик.
- 5. Кролик Одюбона.
- 6. Кустарниковый кролик.
- 7. Болотный кролик.

представители этого племени кричат лишь от страха или от боли.

Чтобы побольше разузнать о диких европейских кроликах, ученые построили специальный загон, установили прожекторы и, боясь, что свет будет мешать зверькам, освещали площадку инфракрасными лучами. Однако, как выяснилось, кролики на свет прожекторов не обращали никакого внимания. Жизнь специально созданной «кроличьей страны» шла своим чередом.

Кролик — стадный и социальный зверек. В естественной обстановке кроличье племя обычно разбито на группы из двух-трех зверьков, у которых есть собственная территория, которую они стойко охраняют и защищают.

В норе кролик живет по несколько лет и из года в год увеличивает число ходов. Давно обитаемая нора — это довольно сложное сооружение. Живут кролики в разных местах: в небольших лесах и в зарослях кустарников, в парках, садах и на открытых местах. Но любят овражистые, холмистые участки с песчаной почвой. Человека не очень-то боятся и часто селятся около его построек.

Кролики, и особенно самки, у которых крольчата в норе, очень привязываются к определенному, выбранному ими участку.

Кажется, что кролики такие мирные, такие тихие зверьки. Но это только кажется. В их среде царит жесткий иерархический порядок. В жарких схватках самец отстаивает право называться первым. Им, конечно, становится сильнейший.

Потом он выбирает себе крольчиху. Чтобы понравиться, ходит перед ней на негнущихся лапах, словно на ходулях, то и дело поворачиваясь к ней хвостом, демонстрируя его белую изнанку. Жених метит свою невесту с метрового расстояния или перепрыгивая через нее. Затем он опрыскивает и своих соперников.

Обосновывается главенствующая чета в той части территории, где растет самая сочная, самая вкусная трава. И заходит сюда строжайше запрещено всем, а в первую очередь самцам.

Имеет право он иметь и вторую семью. Но живет эта семья где-нибудь по соседству, не смея подходить к его дому, хозяйка не подпустит. А «сильнейший» не разрешает приближаться самцам-кроликам к территории своей второй избранницы. Наслушавшегося пришельца в бешенстве насккивает, да так, что летит во все стороны шерсть клочьями, и покусан тот бывает изрядно.

Ученые проделали такой эксперимент. Удалили из колонии «сильнейшего». Что тут поднялось! Бешеные драки не прекращались до тех пор, пока опять не нашлся такой, который всех забил. Тогда возвратили в колонию бывшего «старшего». И, как выяснилось, не всегда ему удается занять прежнее положение. Иногда он скатывается по лестнице иерархии в самый низ, где обычно оказываются лишь

самые слабые, трусливые самцы. У них порой ни собственной норы, ни семьи не бывает. Спят где-нибудь прямо на земле.

Принадлежащую им территорию кролики метят особым пахучим веществом, которое выделяет железа, расположенная у самцов под подбородком. Почесываясь подбородком о различные предметы вокруг, кролик метит участок, где кормится.

Но вот наступает осень. И кролики, забыв о рангах и становясь равноправными, все вперемишку мирно пасутся на зеленой лужайке, а порой и отдыхают в одной норе рядом с «сильнейшим». Таковы их кроличьи законы.

Бегают кролики не очень быстро, зато вертки необычайно. Поймать взрослого кролика на земле не так-то просто, даже опытным собакам не всегда это удается.

Свой «дом» строит крольчиха. И благоустривает его она. Самец лишь иногда делает вид, что работает. Но когда все будет готово, они оба заберутся в самую глубокую камеру и мирно будут спать с утра до вечера. Тут же рядом спят и крольчата.

Для своих малышей крольчиха устраивает теплое гнездо, выстилая его пухом. В нем не страшно ни холод, ни дождь.

Растут крольчата быстро. Через месяц мать уже бросает их и роет в норе новую камеру, чтобы вырастить следующее потомство.

Удивительно любопытным способом умеют кролики регулировать свою численность. Вызывается это, естественно, борьбой за существование, когда, например, бывает страшная засуха, сжигающая все зеленое вокруг. В такие времена, как установили ученые, часть кроличьего потомства не появляется на свет.

При неблагоприятных условиях зародыши на двенадцатый или двадцатый день растворяются в матке, и организм самки всасывает в себя питательные вещества, которые пошли на их рост.

Расплодившиеся же до невероятных количеств дикие кролики становятся настоящим бичом для сельского хозяйства. С середины прошлого столетия английские фермеры начали вести смертоубийственную борьбу с ними, изобретая орудия лова одно страшнее другого, вплоть до капканов-гильотин. Но попадали в них большей частью не те, против кого они сооружались, а лисы, барсуки, куньи, кошки, хищные птицы, то есть животные, которые были их естественными врагами и которые усердно на них охотились. А маленькие грызуны обладывали кору с деревьев, съедали все вкусные травы на лугах, оставляя овцам лишь одни колючки.

В Австралии этот зверек перед человеком поставил настоящую кроличью проблему. Всего 16 кроликов из Англии привезли в 1859 году в страну кенгуру и утконосов. И выпустили в районе Джилонга в штате Виктория. За три года они настолько расплодился, что были признаны потенциальным бичом

страны. Но было уже поздно. Кролик начал свое победное шествие по пятому континенту. Плодородные пастбища на западной стороне Великой Разделяющей Гряды, зону лесного пояса и саванну, переходящую в равнину, — все эти места кролик нашел очень подходящими для себя. Тем более что не было ни одного серьезного препятствия для его распространения: ведь все враги остались далеко в Европе. Когда же в Австралию завезли для борьбы с кроликами лисиц и кошек, те не захотели охотиться на вертких зверьков, а предпочли ловить медлительных сумчатых животных, раскапывать «инкубаторы» сорных кур и воровать яйца.

Кролики тем временем со скоростью 70 миль в год распространились к северу и к западу, непомерно увеличивая свое поголовье.

В Австралии и Новой Зеландии кролик плодится почти весь год. Лишь в середине лета, когда выгорит трава, в их размножении бывает небольшой перерыв. Это в Австралии. В Новой Зеландии, наоборот, они прекращают размножаться зимой. В среднем за год здесь одна самка приносит 20 крольчат, а в Австралии даже 40.

Можно представить себе, какой вред приносит вся эта орда скотоводству, если 10 кроликов съедает столько же травы, сколько одна овца. Как только не боролась с этими полчищами! Тратили огромные деньги и невероятные усилия. Уничтожали зверьков миллионами, используя ядохимикаты. А им как будто ничего и не делалось. Длинноухие поселенцы процветали. Пришлось австралийцам разделить континент с севера на юг тысячекилометровым забором на две части: одну для людей, другую для кроликов. Но и через нее зверьки находили способы перебираться. Численность «кроличьего народа» в 75 раз превышала людское население континента.

Среди кроликов Южной Америки распространена болезнь, которая протекает у зверьков в довольно легкой форме и от нее они почти не гибнут. Возбудитель заболевания относится к группе вирусов, а переносчиком ее являются москиты и другие летающие кровососущие насекомые. Болезнь эта впервые была обнаружена, когда при одной из больниц заболели в лаборатории привезенные туда европейские домашние кролики.

Не так скоро, но со временем название этой болезни стало известно почти всему миру. Это был кроличий миксоматоз.

Ученые Европы и Австралии решили взять на вооружение это заболевание для борьбы с докучливыми зверьками. Но поначалу опыты не принесли успеха. Болезнь не хотела распространяться. И лишь в 1950 году в Австралии проведенные опыты по заражению кроликов во влажной местности принесли так долго ожидаемый результат: смерть начала косить длинноухих направо и налево. Вероятно, в тех местах водились такие комары, ко-

торые стали переносчиками инфекции. Потом миксоматоз искусственно ввозили в самые разные районы Австралии, но только там, где жили комары, «бактериологическая война» имела успех. В засушливых районах кролики не болели.

Во многих парках и огородах Франции бесчинствовали тысячи диких кроликов, на которых не было никакой управы. Энтомолог и исследователь туберкулеза доктор Арман Делиль, огорожив принадлежавшую ему территорию земли проволочной сеткой, выпустил туда двух кроликов, предварительно заразив их миксоматозом. Через шесть недель погибло 98 процентов диких кроликов. Но не пострадал ни один из домашних, которые жили в крольчатнике. Значит, дело не только в комарах.

Жители окрестных деревень, услышав о такой блестящей войне с кроликами, не дожидаясь окончания эксперимента, попросту выкрали несколько больных зверьков и выпустили на волю.

Из Эльзаса «кроличья смерть» попала в Германию, а оттуда и в остальные европейские страны. Каким-то образом она добралась до Англии и снизила там число диких кроликов до того уровня, какого оно достигало в начале XIX столетия. С 1953 года в Англии запретили пользоваться капканами, и врагам кроликов снова удалось размножиться.

Пока миксоматоз шагал по Европе, ученым удалось выяснить, что основным его переносчиком во многих местах являлись блохи. Вот почему у доктора Делиля домашние кролики остались живыми: до них не добрались блохи с диких зверьков.

Австралийцы немедленно раздобыли себе кроличьих блох. И лишь тогда в Австралии наконец разразился «кроличий мор». Он уничтожил почти всех зараженных кроликов. Почти! Кролики, перенесшие слабую форму заболевания, выздоравливали и вырабатывали иммунитет против этой страшной болезни. С каждым годом все больше кроликов не заболело миксоматозом, а заболевшие все чаще выздоравливали.

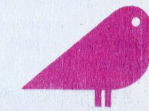
Так что «кроличья проблема» в Австралии так и осталась не разрешенной по сей день.

В. СИНАДСКАЯ

СКАЛИСТЫЙ ПЕТУШОК

«Эй! эй! эй!» — крик птицы, настойчивый, странно похожий на человеческий голос, остановил меня, когда я пробирался по едва заметной тропке в джунглях. Взглянув вверх, я увидел скалистого петушка, сидящего на переплетенных лианах. Его оранжевое, ослепительно яркое оперение пылало на фоне темной листвы. Петушок бесстрашно бранился на меня, и его головка с хохолком дергалась вверх и вниз».

Так описывал свою встречу с оранжевым скалистым петушком один из орнитологов. Эта птица размером с голубя живет в отдаленных районах Южной Америки к северу от Амазонки.

Оранжевый петушок не имеет никакого отношения к курам и цыплятам. Свое имя он приобрел благодаря яркой, как у петуха, внешности и «бойцовскому» характеру. Самка прибавила к имени слово «скалистый», так как обычно она гнездится и выводит птенцов в укромных нишах на скалах.

Изучая поведение оранжевых скалистых петушков, орнитологи обнаружили, что у этих птиц существует сложный ритуал ухаживания. В пору выбора подруг каждое утро несколько десятков самцов собираются на специально выбранной ими площадке. У каждого здесь есть свое, строго определенное место, индивидуальная территория, которую он всеми силами защищает от посягательства соседей. Эти клочки земли самцы используют только для ухаживания.

Когда два самца начинают борьбу за участок земли, они пускают в ход сильные когти, бьют друг друга крыльями, клюются. Такой бой может длиться часа три. Если явного победителя определить не удастся, птицы отдыхают, а затем снова сражаются. Поскольку птицы рассаживаются не только на земле, но и на растениях, индивидуальная территория каждого самца включает в себя и воздушное пространство над его клочком земли — получается что-то вроде цилиндра диаметром около пяти с половиной метров и высотой до двух метров. Владения самцов расположены в непосредственной

близости друг от друга, поэтому на их границах часто происходят стычки, во время которых птицы машут крыльями, кричат, но в открытый бой не вступают. Ожесточенные сражения бывают обычно, когда два самца претендуют на участок земли, владелец которого погиб.

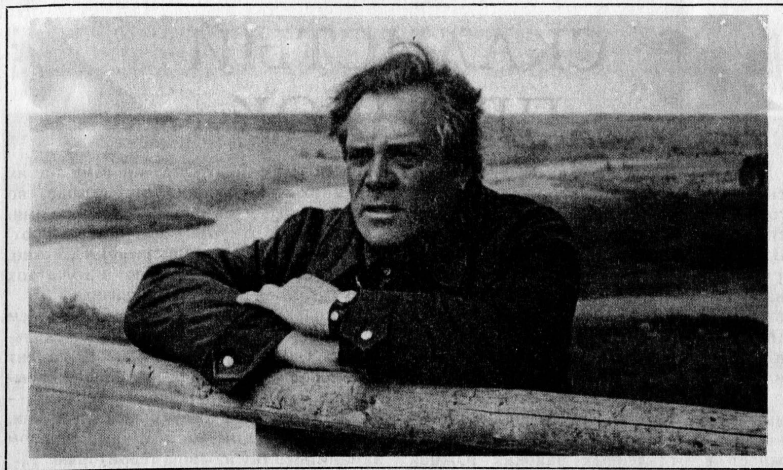
Самцы, устроившиеся каждый на своем участке, все время высматривают скользящих между ветвями самок. В момент появления самки площадка словно взрывается цветом, движением, звуками — самцы подпрыгивают, бьют крыльями, дико кричат, пытаясь таким образом заманить самку на свою территорию.

Затем шумная суeta приветствия сменяется напряженной неподвижностью птичек. Каждый самец выгибается и застывает, демонстрируя самкам свое роскошное оперение. Те, в свою очередь, спускаются вниз, чтобы получше разглядеть шеголей. Интересно, что на следующий год самки нередко возвращаются к своим прежним напарникам.

Изобилие фруктов в тропиках освободило самцов от нелегкого бремени «кормильцев» семьи. Самка, одетая в тускло-коричневое оперение, помогающее ей скрываться от преследователей, сама строит гнездо, высиживает яйца и вскармливает птенцов. Питаются взрослые птицы и птенцы одинаково — фруктами, иногда насекомыми или ящерицами.

Оранжевый скалистый петушок появляется на свет отнюдь не красавцем, но зато уже у трехнедельного птенца необычайно хорошо развиты когти. У годовалых петушков оперение коричневатое, на голове небольшой хохолок. Эти «подростки» часто нарушают ритуал ухаживания, преследуя самок, «нападая» на самцов. К двум годам у самцов появляется ярко-оранжевое оперение.

Джунгли в районах обитания оранжевого скалистого петушка, к счастью, пока почти не затронуты человеком. Но по мере того как тропические леса будут вырубаться, будет возрастать и угроза существованию этих красивых птиц.

ОДА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

«Память моя, память, что ты делаешь со мной?! Все прямее, все уже твои дороги, все морочней обрезаешь землю... Стою на житейском ветру голым деревом, завывают во мне ветры, выдувая звуки и краски той жизни, которую я так любил и в которой умел находить радости даже в тяжелые свои дни и годы... И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени, и, сплюснутая, окаменевшая, но не потерявшая запаха гари и крови, клубится она во мне... Сколько раз погибал я в мучительных снах! И все-таки воскресал и воскресал. На смену гудящему огню, гремучему дыму взрывов неожиданно хлынут пестрые поляны в цветах; шумливая березовая роща; тихий кедрчак на мшистой горе; вспененная потоком река; коромысло радуги над нею; остров, обметанный зеленым мехом тальника; степенный деревенский огород возле крестьянского двора. И лица, лица...».

Нет, не могу читать дальше. Срываю очки, вытираю слезы. Ноет слева в груди. Кто-то сграбастал клешнями и давит, давит. Комок в горле не дает дышать. Такое случается, наверное, не только со мной, но и с теми читателями, которые любят писателя Виктора Астафьева.

С десяток честных и мудрых книг, переведенных на многие языки мира, написал Виктор Петрович. Но лично меня особенно потрясает «Ода русскому огороду». Это не рассказ, не повесть, не роман. Это песня в прозе, песня земле, пропетая через душу маленького мальчика.

Мне кажется, по «Оде» я узнал детство Виктора Петровича и то, как из крошечного детского сердца потом сложился характер — характер бойца, труженика и чуткого, добрейшего, но не всепрощающего человека.

Родился Виктор Петрович неподалеку от Красноярска в селе Овсянка 1 мая 1924 года. Здесь жили, по словам писателя, гулеваны, зубоскалы, посказители и драчуны, которые и в работе вели себя как в драке, все с налету делали, рывком, махом. Удачливо ловили рыбу, разводили скот, выращивали разные овощи. Да еще пели очень здорово, пели и плакали — это уж непременно... Но на войне они не были в хвосте — очень многие погибли, немногие вернулись инвалидами.

Мальчику было семь лет, когда утонула мама. Самые светлые воспоминания о детстве связаны с бабушкой Екатериной Петровной и дедушкой Ильей Евграфо-

вичем. Но дедушка умер рано. А когда умерла бабушка, Виктор Петрович был уже взрослый, жил далеко на Урале. Начальник отдела кадров вагонного депо, где он работал, не отпустил на похороны. Позднее, в «Последнем поклоне», Виктор Петрович скажет о бабушке такие слова: «Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон. И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Вина ваты перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, поведать о ней другим людям, чтоб в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали они ее, и была бы ее жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта...»

Порошние кустарником и лесом горы как бы стараются столкнуть Овсянку в воду, так тесно прижалась она к Енисею. Могучая сибирская река действует чуть ли не во всех произведениях Астафьева, как у Пушкина — Нева, у Горького — Волга, у Шолохова — Дон. В приенисейской тайге добывал корм для голодающего и неблагодарного староверческого села охотник Култыш. На Енисее от сплавщиков сирота Илья познавал истину, что если в жизни будет трудно, если случится беда, надо бежать не от людей, а к людям. На этой же реке разворачиваются события «Царь-рыбы»...

По Енисею же мальчиком попал Виктор Петрович в Игарку. Там бедовал, сиротствовал, попал в детский дом. Через много лет вышла повесть «Кража», которая взывала к справедливости и милосердию к детдомовцам. На станции Енисей Виктор Петрович закончил школу ФЗО и работал составителем поездов. Отсюда же восемнадцатилетним ушел на фронт...

Теперь уже надолго расстался Виктор Петрович с родным краем. Была война. Послевоенные были мытарства. Попал он в город Чусовой на Урале. Это была родина жены и верного друга Марии Семеновны, с которой он повстречался на фронте. Поначалу работал где придется: в горячем цехе на металлургическом, разгрузчиком дров на железной дороге, обмывальщиком мясных туш на колбасном заводе... Здоровье на войне было подорвано, донимали тяжелые раны. Врачи посоветовали найти более легкую работу.

И вот когда был Виктор Петрович ноч-

ным сторожем, то написал первый рассказ «Гражданский человек» — про чулаковатого связиста Мотю, встреченного на войне. Рассказ этот заметили. Вскоре предложили работу в газете «Чусовской рабочий». Начался новый и напряженный отрезок жизни. Днем работал в газете, а ночью, после того как уснут дети, он писал рассказы...

Потом — Высшие литературные курсы, переезд в Вологду — и работа, работа...

За повести «Стародуб», «Перевал», «Кража», «Пастух и пастушка» писатель был удостоен Государственной премии РСФСР имени Горького. Книге «Царь-рыба» была присуждена Государственная премия СССР.

«Художником чистого золота» назвал Астафьева писатель Юрий Бондарев. Он писал: «Я не могу не вспомнить выдающийся не только в нашей литературе, но и в литературе всевропейской роман Астафьева «Царь-рыба», так много сказавший о необъявленной страшной войне человека с природой, которая насильем над здравым смыслом приведет к трагедии чувства, мысли, разума и в конце концов к самоубийству рода людского».

В «Оде русскому огороду» не взрослые, не ожесточившийся Командор, не мрачный рыбак Грохотало, не замшелый браконьер Игнатич, выдернутый огромным осетром из лодки, запутавшийся в собственных самолетах и вынужденный погибать в воде всю ночь, а безгрешный еще мальчик впервые постигает очищающую силу, которая таится в природе. Защищая природу в своем творчестве, Виктор Петрович прежде всего защищает человека, борется за сохранение и продолжение всего лучшего, что было, есть и будет в нем.

...Снова надеваю очки и, борясь с потресканным сердцем, дочитываю последние строки «Оды».

У альпинистов есть термин: восхождение по прямой. Это когда они идут только вверх и прямо, без траверзов. Так, по прямой, идет и Виктор Петрович Астафьев. Из прекрасной земли поднялся этот человек, обогатил и украсил ее своим добрым и чистым талантом.

В этом номере журнала мы печатаем рассказы Виктора Петровича, специально отобранные им для читателей «Юного натуралиста».

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ
Фото автора

Виктор АСТАФЬЕВ

Рис. В. Прокофьева

Неторопливые сумерки опускаются на землю, крадутся по лесам и ложбинам, вытесняя оттуда устоявшееся тепло, парное, с горьковатой прелью. Из ложков густо и ошутимо тянет этим тихим теплом, морит им скот на яру, окосенные кусты с вялым листом, межи у хлебных полей, пологу спускающихся к самому Камскому морю, и сами хлеба, двинувшиеся в колос.

За хлебами широкая стояла вода в заплатах проблесков. Над водою густо толкутся и осыпаются в воду поденки и туда-сюда снуют стрижи, деловито молчаливые в этот кормный вечер. Оводы и комары нудью своей гуще делают вечер и тишину его.

Над хлебами пылит. Пшеница на полях еще и чуть не тронутая желтизной, рожь с уже седоватым налетом и огузневшим колосом и по-вешнему зеленые овсы, как бы застывшие на всплеске, дружно повернулись к замутневшему от угара ложкам, из которых все пыло и пыло тепло к колосьям, где жидкими еще каплями жило, набиралось силы и зрелости зерно.

Тихо стало. Даже и самые веселые птицы смолкли, а коровы легли поближе к берегу, к прохладе, где меньше донимали их оводы. Лишь одиноко стучала моторка за остроугольным мысом, впахавшимся в черную воду, как в землю; с короткими всплесками опадала подмытый берег, и стрижи, вихляясь, взмывали из рыжих яров, но тут же ровняли полет и мчались над водой, сталистую поверхность которой тревожила рыба. Пена была только у берегов, но и она погасала на песчаных обмысках, и лента ее порвалась уже во многих местах.

Все прошло в природе к ведру, и оттого нигде и никто не торопился, вялая размеренность была кругом и добрая трудовая усталость. Деревня с темными домами остановилась на склоне горы с редкими лесинами, отчужденно и строго мигающим сигнальным щитом и двумя скворечнями, четко пропечатавшимися в заре, остановившейся, тоже разомлелой от спелости и полнокровия.

Ничто не сулило тревоги, сон надвигался на землю, короткий и глубокий. Но вдруг та сторона неба, что была за дальними перевалами и лесами, как-то разом потемнела, опустилась на только что видневшийся оком и потекла чернотой во все стороны. Только-только еще были видны облачка, чуть завитые по краям, неживая ветла, залитая морем, ястреб, летавший над этой ветлой и недовольно кричавший, должно быть, на птенцов своих, заробевших от тишины.

И вот ничего не стало. Все затянулось тьмою. Еще чуть просвечивало небо в том месте, где была зоря, но и там шелка делалась все уже и уже.

Однако темень была хотя и густа, но не клубилась она, не метала молний куда попало, не била ими по деревьям, в столбы, в избы, куда от мала до велика прячутся люди в грозу и закрывают вьюшки. Эта темень настоящая, бархатисто-мягкая, и от нее тоже вроде бы наносило живородным духом и чуть-чуть тревогой, всегда таящейся в темноте.

В мир пришло ожидание. Ничто не спало, а только притаилось, даже и небо зажмурилось. Ожидание разрешилось внезапно, как это всегда бывает, когда долго и напряженно ждешь. Ящеркой пробежало легкое пламя и юркнуло за горы. По хлемам, на мгновение освещенным, покатились легкая дрожь, и они сделались совсем недвижны, склонились покорно, будто ждали, что их поглядят, как глядят ершистых детей, ввечеру усталых и ласковых.

Сверкнуло еще и еще, теперь ярче и длиннее. Желтыми соломинками сламывались молнии над окоем и озарили разом весь этот окоем и все, что было там: зубья елей, пестрый щит, упорно мигающий красным оком, и две скворечни, почему-то сдвинувшиеся с подворий.

Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских селах так и зовут их — хлебозары.

Казалось мне, поле, по которому я шел, было так далеко от зарниц, что свет их не доходил сюда. Но это только казалось.

Отчего же тогда еще в сумерках повернулись колосья в ту сторону, откуда вслед за теплом пришли зарницы? И отчего разом так мудро посидели хлебные поля, а кустарники будто отодвинулись, давая простор им, не мешая совершаться какому-то, хлемам лишь ведомому, обряду?

Отчего же и море, сделанное человеком, совсем ушло в темноту, несмело напоминая о себе тусклым блеском, а деревья вовсе унялась и будто ужалась в склон горы, стесняясь своих порядков и обыденности сломанной березы у причала, пустоглазой, навсегда смолкшей церквушки и подмытых огородов с упавшими в воду пряслами, подслеповатых черных бань, рассыпанных на задах, и хриплого голоса, вдруг резанувшего по трепетной тишине, — всей этой будничной заботы на завтрашний день, всей суеты и невинности, которой так богат сегодняшний век?

Зарницы. Зарницы. Зарницы.

Заметки натуралиста

Земля слушает их. Хлеба слушают их. И то, что нам кажется немого, для них, может быть, самая сладкая музыка, великий гимн о немислимо огромном походе хлебов к человеку — от единого колоска, вспрянувшего на груди еще молодой матери-земли, зажавшей внутри огонь, — к этому возделанному человеческими руками полю.

Музыка есть в каждой минуте жизни, и у всего живого есть свои сокровенные тайны, и они принадлежат только той жизни, которой определены природой. И поэтому, может быть, в те часы, когда по небу ходят сполохи, перестают охотиться звери друг за другом, лосиха и лосенок замирают с недожеванным листом на губах, замолкают птицы, а человек крещеный осеняет себя, землю, небо трепетным троперстем, и некрещеный тоже благоговейно, как я сейчас, останавливается среди поля, охваченный тревожным и сладостным волнением.

Сколько же стою я среди хлебов? Час, два, вечность? Недвижно все и смиренно вокруг меня. Ночь без конца и края, такая же ночь, какая властвовала в ту пору, когда ни меня, ни этих колосцев, никого еще не было на Земле, да и сама Земля клочкотала в огне, содрогалась от громов, усмиряя себя во имя будущей жизни.

И, быть может, не зарницы это, а неостывшие голоса тех времен, пластая в клочья темноту, рвутся к нам? Может быть, пробиваются они сквозь толщу веков с молчаливым уже, но все еще ярким приветом, только с виду грозным, а на самом деле животворным, потому что из когда-то дикого пламени в муках и корчах родилось все: былинка малая и дерево, звери и птицы, цветы и люди, рыбы и мошки.

И не оттого ли в летние ночи, когда издали сигналят о чем-то зарницы, потерявшие громы в миллионлетней дороге, а хлеба наполняются твердостью и могуществом и свято притихшая земля лежит в ярком осиянии, в сердце нашем пробуждается тоска о еще неведомом? Какие-то смутные воспоминания тревожат тогда человека. И небо в эти минуты словно бы становится вестником нашего перворождения, доносит отголоски тех бурь, из которых возникли мы.

Я склоняюсь к древнему полю, вдыхающему пламя безмолвных зарниц. Мне чудится, что я слышу, как шепчутся с землей колосья. И, кажется, я даже слышу, как зреют они. А небо, тревожась и мучаясь, бредит миром и хлебом.

Ти-хо!

Зарницы. Зарницы. Зарницы.

Затеси

...Затесь — сама по себе вещь древняя и всем ведомая — это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издали, и ходили по тайге от

меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем и дорога, и где-то в конце ее возникало зимовье, заимка, затем село и город.

В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затёсины», «затёски», «затёсы», по-сибирски — «затеси». В обжитых и еще не тронутых наших лесах метами подобного рода пользуются и теперь лесоустроители, охотники, геологи и просто шатучие люди, искатели приключений, угрюмые браконьеры и ревящиеся дикие туристы.

Название таежных мет врубилось в мою память так прочно и так надолго, что по сию пору, когда вспомню поход «по метам», у меня сердце начинает работать с переборами, биться судорожно, где-то в самой ссохшейся дыре горла, губами, распухшими от укусов, хватаю воздух, но рот забит трубами комарья и мокреца; слышавшаяся в комок сухая каша не дает продохнуть, сплюнуть. Охватывает тупая, могильная покорность судьбе, и нет сил сопротивляться этой разящей наповал даже могучее зверье, ничтожной с виду и страшной силе.

Мы артельно рыбачили в пятидесяти верстах от Игарки, неподалеку от станка Карасино, ныне уже исчезнувшего с берегов Енисея. В середине лета на Енисее стала плохо ловиться рыба, и мой непоседливый, вольнодумный папа сговорил напарника своего черпануть рыбы на диких озерах и таким образом выполнить, а может, и перевыполнить план.

На приенисейских озерах рыбы было много, да, как известно, телушка стоит полушкой, но перевоз-то дорогават! Папа казался себе находчивым, догадливым, вот-де все рыбаки кругом — вахлаки, не смикитили насчет озера форта, а я раз — и сообразил!

И озеро-то нашлось недалеко от берега, километрах в пяти, глубокое, островное и мысовое озеро, с кедровым густолесьем по одному берегу и тундряное, беломошное, ягодное — по другому.

В солнцезарный легкий день озеро чудилось таким приветливым, таким дружески распахнутым, будто век ждало нас, невиданных и дорогих гостей, и наконец дождалось, одарило такими ситами в пробную старенькую сеть, что азарт добытчика затмил у всей артели разум.

Построили мы плот, разбили табор в виде хиленького шалашика, крытого лапником кедряча, тонким слоем осоки, соорудили нехитрый очаг на рогульках, да и подались на берег — готовиться к озерному лову.

Кто-то или что-то подзадержало нас на берегу Енисея. На заветное озеро собралась наша артель из четырех человек — двое взрослых и двое парнишек — лишь в конце июля.

К середине лета вечная мерзлота «отдала», напирал гнус, загустел воздух от мощной сырости и лесной гнили, пять километров, меренных на глазок, показались нам гораздо длиннее, чем в предыдущий поход.

Плотик на озере подмок, осел, его долго подновляли — наращивали сухой слой из жердей,

поспешно и худо отесанных, — все из-за того же гнуса, который взял нас в плотное грозное облако. Долго мужики выметывали сети — нитки цеплялись за сучки и заусеницы, сделанные топорами на жердях и бревнах, вернулись к табору раздраженные, выплеснули с досадой чай, нами сваренный, потому что чай был уже не чаем, а супом — столько в него навалилось комара.

Но мы еще не знали, что ждет нас в ночь, в светлую, «белую», как ее поэтично и нежно называют стихотворцы, чаще всего городские, созерцающие природу из окна.

В поздний час взялось откуда-то столько гнуса, что и сама ночь, и озеро, и далекое, незакатное солнце, и свет белый, и все-все на этом свете сделалось мутно-серого свойства, будто вымыли грязную посуду со стола, выплеснули ополоски, а они отчего-то не вылились на землю, растекались по тайге и небу... застойной духотой.

Несомлакаемо, монотонно шумело вокруг густое месиво комара, и часто прошивали его, этот мерный, тихий, но оглушающий шум, звонкими, кровяными нитями опившихся комары, будто отпускали тетиву лука, и чем дальше в ночь, тем чаще звоны тетивы пронзали уши — так у контуженых непрерывно и нудно шумит в голове, но вот непогода, нервное расстройство — и шум в голове начинают перебивать острые звоны. Сперва редко, как бы из высокой травы, дает трель... резвости набирающий кузнечикшо. А потом гуще, гуще, и вот уж вся голова, вроде кошеного луга, сотрясается звоном. От стрекота кузнечикшв у здорового человека на душе делается миротворно, в сон его тянет, а контуженого начинает охватывать возбуждение, томит непокой, тошнота подкатывает...

Сети простояли всего час или два — более выдержать мы не смогли. Выбрали из сетей только сига, всякую другую рыбу — шук, окуней, сорогу, налимов — вместе с сетями кинули на берег, надеясь, как потом оказалось, напрасно, еще раз побывать на уловистом озере.

Схватив топор, чайник, котелок, вздели котомки, бросились в отступление, к реке, на свет, на волю, на воздух.

Уже минут через десять я почувствовал, что котомка с рыбой тяжеловата; от котомки промокла брезентовая куртка и рубаха, потекло по желобку спины... Всех нас сотрясал кашель — это гнус, забравшийся под накомарники, забивал носы и судорожно открытые рты.

Идти без тропы, по колену в чавкающем мху, где дырки прежних наших следов уже наполнило мутной водой, сверху подернутой пленкой нефти, угля ль, лежащего в недрах мерзлоты, а может, и руды какой, — идти без тропы с грузом по такому месту — и врагу не всякому пожелая.

Первую остановку мы сделали примерно через версту, потом метров через пятьсот. Сперва мы еще отыскивали, на что сесть, снимали ко-

томки, вытряхивали из накомарников гнус, но потом, войдя в чуть сухую тайгу из чахлого приозерного чернолесья, просто бежали и, когда кончались силы, падали спиной и котомкой под дерево или тут же, где след, и растерзанно хрипели, отдыхиваясь.

Папа, еще возле озера, повязал мне тряпкой шею по накомарнику, чтоб под него не залезал гнус, и притянутый плотно к шее, продырявленный от костров и носки ситец накомарника прокусывать оказалось способней. Комары развели мне шею в сырое мясо, раздели ее в фарш. Ситечко накомарника, сотканное из конского волоса, пришто было «на лицо» до модельными нитками — стежки крупные, время и носка проделали вокруг намордника ячейки, вроде бы едва и заметные, но в них один за другим лезли комары, как наглые и юркие ребятишки в чужой огород. Я давил опившихся комаров ладонью, хлопая себя по наморднику, и потом весь накомарник был залепан спекшейся кровью. Но скоро я перестал давить комаров, лишь изредка в ярости стучал себя самого кулаком в лицо так, что искры и слезы сыпались из глаз, и комары сыпались переспелой красной брусничкой за воротник брезентовой куртки, их там давило, растирало, воротник отвердел от пота, крови, прилипал к обожженной шее.

«Скорей! Скорей!» — торопили наши старшие артельщики — папы, отмахиваясь от комаря, угорело дыша, подгоняя двоих парнишек, которым было чуть больше двенадцати

лет, и все дальше, дальше отрывались, уходили от нас.

Одышка, доставшаяся мне от рождения, совсем меня доконала. Напарник мой все чаще и чаще останавливался и с досадою поджидал меня, но когда я махнул ему рукой, ибо говорить уже не мог, он обрадованно и охотно устремился вслед за мужиками.

Я остался один.

Уже не сопротивляясь комару, безразличной ко всему на свете, не слышащий боли, а лишь ожог от головы до колен (ноги комары не могли кусать: в сапоги, за голяшки, была натолкана трава), упал на сочащуюся рыбьими возгрями котомку и отлежался. С трудом встал, пошел. Один. Вот тогда-то и понял я, что не будь затесей при сплещении меня гнуса, тут же потерял бы я след, а гнус ослабевшего телом и духом зверя, человека ли добивает моментом. Но затеси, белевские, продолговатые, искрящиеся медовыми капельками на темных стволах кедров, елей и пихт — сосна до тех мест не доходит — вели и вели меня вперед, и что-то дружеское, живое было мне в светлячком мерцающем впереди меня пятнышке. Места-пятнышко манило, притягивало, звало меня, как теплый огонек в зимней пустынной ночи зовет одинокого усталого путника к спасению и отдыху в теплом жилище.

Вперед, на рыжем мху, что-то лежало. Белое. Я подошел и долго не мог ничего понять. Наконец-то до меня дошло — рыба! Мужики и напарник мой — парнишка отбавили из кото-

мок груз и бежали, даже не прикрыв рыбу мхом, не упрятав ее где-нибудь под деревом или пнем, в мерзлоту. Надо было и мне ополовинить, а то и вовсе вытряхнуть груз, но снимать котомку, развязывать ее, шевелиться... Ноги сами начали переставляться, поволокли меня дальше. Один глаз, разведенный гнусом и грязью, закрылся, второй еще смотрел в узкую щель, ловил и ловил загорающиеся впереди светлячки затесей.

Тайга густела, появился черемошник, мох все чаще протыкало травой, меж кривобоких кедров и сухопарых елей начали белеть тоненькие, в инвалидность еще с детства впавшие березы, а там пошли и осинники, тальники, вербы, ольха — предвестье близкой реки.

Я сорвал с себя накомарник, прокашлялся, отплевался, не обращая никакого внимания на комаров, посл черники, охладил ею спекшееся нутро и скоро вышел к Енисею.

На камнях, на обдуже, сидели два папы и мой напарник по артели. Они отводили от меня глаза, папа ругался, клял меня за то, что я вечно тащусь где-то, заставляю людей ждать, а когда стаянул прилипшую ко мне котомку, вытряхнул на камни измичканную рыбу, у него появилась новая, более весомая причина оправдаться перед своей совестью: «Ну вот зачем ты ее тащил? Зачем? Ты чё, башку задрал, не видел, что мы вытряхнули рыбу?! Или башкой своей агромадной сообразить не мог...»

Я забрел в Енисей и плескал, плескал освежающую, холодную северную воду на лицо, на шею, на голову. Мне текло под куртку, в штаны, в сапоги. Папа орал, чтоб я хоть куртку снял, но я не слушал его — злые, жалкие, непрощающие слезы текли, бежали из моих заплывших глаз, и я смывал их, смывал холодной водой, а под сомкнувшимися, окроветелыми веками светились, призывно реяли белевские меты...

Сильный колос

Лето выдалось дождливое. Травы и хлеба дурели от перепоя, перли в рост и не вызревали. Потом травы остановились, густым разноцветьем придавило их, и они унялись, перестали расти.

И сделалось видно высокую рожь со сплюснутым колосом. Она переливалась под ветром, шумела молодо и беззаботно. Но однажды налетела буря с крупным дождем и градом. Еще жидкую и нестойкую рожь на взгорьях прижало к земле.

«Пропало жито, пропало!» — сокрушались мужики. Горестно качали они головами и вздыхали, как вздыхают люди, утратив самое для себя дорогое. Из древности дошла до нас и еще, слава богу, жива в крестьянах жалость к погибающему хлебу, основе основ человеческой жизни.

«СПЕШИМ ДОМОЙ»

Лена ТКАЧЕВА,
Иркутская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Твоя высота	1	Оказывается	24
Колосок	2	В. Гузев. В царстве Нептуна	25
В. Рахилин. Наши новые соседи	7	Б. Сергеев. Собеседник — шимпанзе	28
И. Пономарев. По Хакасии	10	С. Сухая. Вомбат. Рыба-попугай	31
Лесная газета	14	В. Синадская. Племя длинноухих	35
Клуб Почемучек	18	С. Федорина. Скалистый петушок	39
		Е. Федоровский. Ода русской земле	40
		Записки натуралиста. Виктор Астафьев. Хлебозары	43

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — пингвин; на второй — заяц-беляк (фото П. Яровицкого); на четвертой — волк.

В номере использованы фото из журналов «La vie des bêtes» и «Wildlife».

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Клаумов С. К., Дудкин В. Е., Маслов А. П., Мухоморов В. И., Орешкин А. М., Подозрова А. А., Пономарев В. А., Рахилин В. К., Серебрякова Т. И., Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь).

Научный консультант профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ Е. Е. Сыроечковский

Художественный редактор В. Ю. Есаулов
Технический редактор О. И. Бойко

Рукописи и фото не возвращаются

Сдано в набор 29.10.84. Подписано в печать 07.12.84. А08251. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 3 190 000 экз. Заказ 1948. Цена 25 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сувецкая, 21.

НАШ АДРЕС:

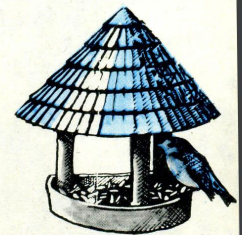
КОРМУШКА НА ВЫБОР

Зимой нашим пернатым друзьям часто бывает трудно добыть себе корм. Особенно когда после оттепелей вдруг затрещат сильные морозы: обледенеют ветки и стволы на деревьях, покроются корочкой льда кустарники. Не добраться птичкам до насекомых. Много в такую пору гибнет птиц, особенно молодых. Не успевают они за короткий зимний день найти достаточно корма.

Птички кормушки выручают стражей лесов и садов в такую пору.

Кормушки можно устроить и обще для всех, и специализированные — для определенных видов птиц. А если применить чуть выдумки, то можно очень разными сделать птички кормушки, используя всевозможные коробки, банки, сетку, пластмассу, драпку. Кормушки получатся и красивыми и удобными (2, 3, 5, 6, 7).

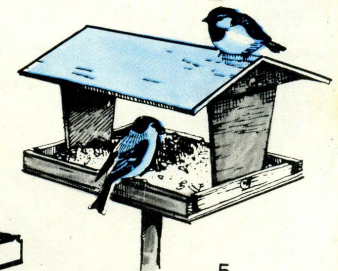
Синицы не боятся раскачивающихся кормушек, поэтому для них хорошо устроить из консервных банок и кусочка сетки кормушку, которую можно заполнять кормом на несколько дней. Кроме синиц, такой кормушкой никто не сможет пользоваться (1). Комбинированная кормушка (4) подойдет многим птичкам. Здесь и открытый лоток, и домик, который предохраняет корм от дождя и снега, и кормушастолбик для дятла или синиц. Высверленные в полне ячейки заполняют кормовой смесью, приготовленной из различных несоленых мясных отходов, пропущенных через мясорубку и смешанных с белым хлебом и жиром. Если дятлу понравится кормушка, он будет регулярно прилетать два раза в день: утром и вечером. Режниво будет следить, чтобы не прилетел к его кормушке чужой дятел. Но мелким птичкам всегда найдется корм возле дятловой кормушки.

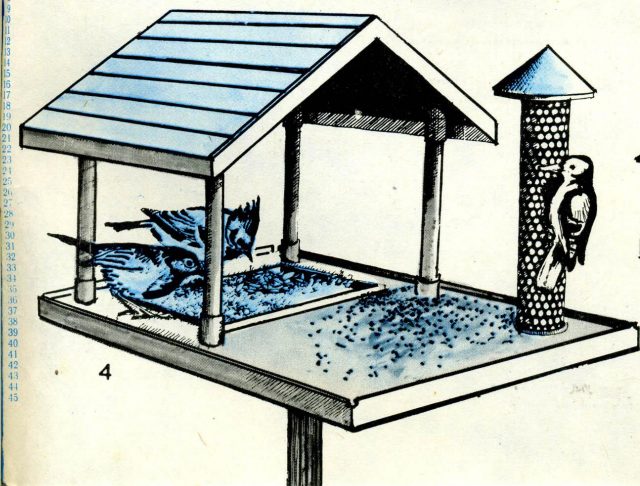
7

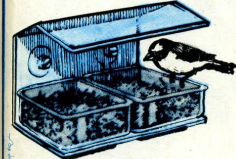
6

5

4

3

2

1

Индекс 71121
Цена 25 коп.

ISSN 0205—5767

